

Ген апокалипсиса: Волчица и Кэп



Елизавета
Вейс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елизавета Вейс

Ген апокалипсиса: Волчица и Кэп

<https://litres.ru/73892839>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Они — последняя надежда и щит между человечеством и тьмой».

Царь-вирус превращает людей в зомби, и лишь единицы способны противостоять заражению. А потому неуязвимые — ценный, но расходный материал для «Бастиона».

Кира Волкова («Волчица») — идеальный солдат. Холодная. Расчётливая. Живёт по уставу. Для неё нет полумер, только приказ и долг.

Денис Костров («Кэп») — кошмар командиров. Гений-самоучка, шутник, мастер невозможного, но чьи безумные планы работают...

Когда доктор Громов, создатель вируса, объявляет охоту на «неуязвимых», фанатики из культа «Братья Чистоты» начинают «Великий Поход», а стены Бастиона рушатся от предательства внутри, им придётся объединиться.

«Если ты не боишься, значит, ты уже мёртв. Но они боятся, и поэтому опаснее всех».

Содержание

Посвящение	4
Глава 1. Неуязвимые	5
Глава 2. Кэп	18
Глава 3. Мы едем, едем, едем...	27
Глава 4. А все бегут, бегут, бегут. И я бегу	37
Глава 5. И встретились два молчуна	46
Глава 6. Хулиганка	56
Глава 7. С лёгким паром	61
Глава 8. Покайся, прими, умри	70
Глава 9. Старина Гиппократ	76
Глава 10. Грех старого мира	85
Глава 11. С корабля на школьный бал	92
Глава 12. Ягнёнок	98
Глава 13. Любитель книг	106
Глава 14. Всё только начинается	113
Глава 15. Арена	121

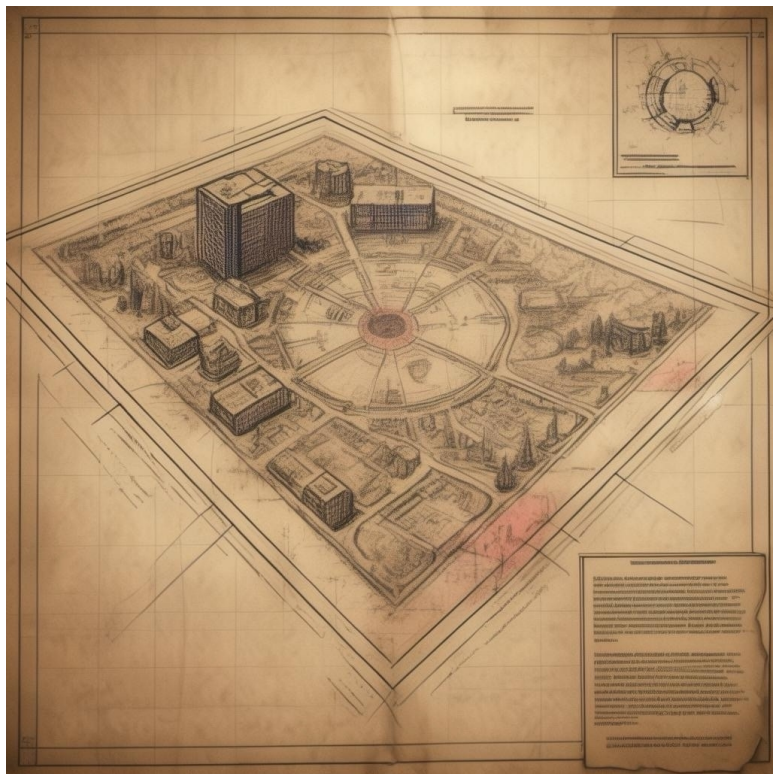
Елизавета Вейс Ген апокалипсиса: Волчица и Кэп

Посвящение

Всем, у кого сейчас не самые простые времена.

Помните, плохое не длится вечно. Всё обязательно наладится.

Глава 1. Неуязвимые



*Бастيون
Истоки:*

1950-е: Построен как «Объект-77» — закрытый наукоград для разработки биологического оружия.

1980-е: После международных соглашений перепрофилирован в исследовательский центр по вирусологии и генной инженерии.

2000-е: Здесь работал Громов (гениальный и амбициозный учёный).

Из засекреченных материалов архива

1950-е: Построен как «Объект-77» — закрытый наукоград для разработки биологического оружия.

1980-е: После международных соглашений перепрофилирован в исследовательский центр по вирусологии и генной инженерии.

2000-е: Здесь работал Громов (гениальный и амбициозный учёный).

Из засекреченных материалов архива

1950-е: Построен как «Объект-77» — закрытый наукоград для разработки биологического оружия.

1980-е: После международных соглашений перепрофилирован в исследовательский центр по вирусологии и генной инженерии.

2000-е: Здесь работал Громов (гениальный и амбициозный учёный).

Из засекреченных материалов архива

Смогу ли я когда-нибудь забыть звук рвущейся плоти?

Потускнеют ли в памяти образы материнского сердца, вырванного из груди?

Эти картины до сих пор стояли перед глазами: как оно билось ещё несколько секунд беспомощно, по инерции. Как сияняя, покрытая гнойными волдырями рука вошла в тело легче, чем нож в сливочное масло.

Мамин потухший взгляд не отпускал меня ни на одну ночь, и только утренний свет, озарявший заспанное лицо Лики, ненадолго прогонял кошмары. А потом приходили новые — те, в которых *они* пожирали мою сестру. В лучшем случае. В худшем — я сама закалывала её, потому что она уже начала меняться.

В самые скверные дни я мечтала заразиться Царь-вирусом. Чтобы всё наконец прекратилось. Потом я ненавидела себя за эти мысли. За малодушие.

Хотя, даже если бы я сломалась, стать зомби мне не грозило. Я «неуязвимая». Одна из трёх процентов счастливиц всего населения, в чьей крови содержатся особые антитела, которые убивают вирус. Как и у большинства выживших в Бастионе. Но иногда я завидовала тем, кто мог просто сдаться.

С соседней койки донеслось сопение, переходящее в ворчание. Анжелика всегда была совой, нежели жаворонком, поэтому ранние подъёмы для неё похлеще любого зомби апокалипсиса.

— Кирочка, родная, разнеси эту треклятую гуделку —

прохрипела она и зарылась в одеяло. Едва ли это помогло. Сирена выла так, что даже зомби в Алтайском крае, наверняка слышали её.

— Ты же знаешь, не могу.

Сестра вынырнула из убежища и презрительно сощурилась.

— О да, конечно же, можешь. Золотая девочка Бастиона. Любимица командира. Мисс «Я-должна-быть-первой-даже-в-конце-света». Ты *можешь*. Просто не хочешь.

Я закатила глаза, смачно хлопнув затвором винтовки. Ну да, я та самая девочка с «синдромом отличницы». Только теперь мои «пятерки» и достижения мерялись не в баллах и метких выстрелах по мишеням в биатлоне, а в количестве убитых зомби на вылазках.

Пришлось потряхнуть головой, чтобы прогнать непрошенную горькую ухмылку. Раньше соревновалась с живыми. Теперь доказывала свое превосходство мертвецам. И да, возможно, это сомнительный повод для гордости. Но когда вокруг рушится мир, даже такая «успеваемость» давала хоть какую-то опору под ногами. Главное — никаких пересдач. В этом экзамене вторых попыток не бывает.

Я методично чистила ножи, прислушиваясь к привычным звукам Бастиона: где-то за стеной хлопали дверьми, с плаца доносились отрывистые команды сержанта, а из вентиляции неся сладковатый запах тушенки, видимо, на кухне начали раздачу. Иногда я украдкой поглядывала на Лику.

За это время она успела заправить кровать, а теперь крутилась перед зеркалом. Я не приветствовала несерьёзность и пустые действия, и всё же вид того, как сестра прихорашивалась, вызывал во мне нежность. Несмотря на глобальный крах, она сумела сохранить себя: любовь к милым вещичкам, желание сделать причёску, подобрать одежду, пускай и местами потрёпанную и выцветшую, но всё же отличную от формы.

Пока мои пальцы стягивали волосы в тугий хвост на макушке, Лика уже шнуровала сапоги.

— Задержусь на тренировке. Не жди меня на ужин, — бросила она между делом.

Мои руки замерли.

— У тебя нет вечерних занятий, — я не спрашивала, утверждала. Ведь знала её расписание наизусть: каждую тренировку, о которых сама же просила.

— Ты что, следишь за мной? — в голосе сестры вспыхнуло возмущение.

— Да.

— Мне пятнадцать, а не десять!

— А врёшь как первоклашка, — парировала я, наблюдая, как дрожит её нижняя губа: верный признак сильного волнения.

— Так куда ты собралась?

— На стрельбище.

— На стрельбище, — хмыкнула я, и Лика тут же вздох-

нула.

— Вот именно из-за этого твоего осуждающего тона я и не хотела говорить!

Готова была поспорить, что поводом для очередного несанкционированного собрания на поле послужил Костров. Этот шумный и вечный клоун, с плечами шире шкафа, сладкой улыбочкой и дерзкими выходками. Ходячий кошмар для тех, кто ценил порядок и дисциплину.

— Ты правда думаешь, что он зачистил то гнездо с помощью рояля?

— Да. И он спас целую группу! — с искренней верой воскликнула сестра.

— Если и так, то он рисковал жизнью ради показухи. — Мой голос прозвучал резче, чем планировалось. Где-то в системе вентиляции закрипела заслонка, словно сам Бастион вздохнул, слыша этот спор в сотый раз.

Костров был мастером создавать легенды. После того рейда по Дому культуры о нём говорили все: как он будто бы сыграл «Лунную сонату» на расстроенном рояле, заманивая зомби на сцену. Как спустил на них декорации. Рухнула целая тяжеленная фреска с лебедями (отсюда и название операции — «Лебединое озеро»). Красивая история. Слишком красивая.

Но самое парадоксальное было то, что за всем этим балаганом скрывался чёртов гений. Я видела его в деле. Видела, как он двигался, как мыслил, как в самый последний

момент всегда выкручивался. Выживал снова и снова, будто сама смерть, устав от его наглости, махнула на него рукой.

В этом и таилась его главная опасность: он заставлял верить в сказку. В то, что даже в этом аду можно оставаться человеком — шутить, рисковать, играть на пианино посреди апокалипсиса.

Ли́ка и многие другие не сомневались в его удаче. А я боялась, что однажды везение Кострова закончится, и это погубит не только его, но и тех, кто рассчитывал на его бессмертие.

— И что он придумал на этот раз?

— Соревнования по стрельбе.

— Но зачем? — Я не понимала этого. Вместо того, чтобы заняться чем-то полезным, он в очередной раз устраивал глупый конкурс.

— Потому что это весело, сестричка. Ну и ради сигарет и ягодной настойки.

Она подмигнула, а я только и успела крикнуть ей вдогонку, чтобы возвращалась до отбоя.

Ли́ке не нужно было бежать кросс с противогазом или участвовать в спаррингах. Жёсткие тренировки — привилегия *неуязвимых*. Имму́нитет превращал нас в ценный, но всё же расходный материал. Мы могли шнырять по зараженным зонам, не боясь, что укус превратит нас в этих существ.

Хотя «неуязвимые» — громкое название. Истечь кровью мы можем, как и все. Особенно если будешь неуклюжим, как

тот парень на прошлой неделе, который только-только поступил в отряд разведки. Зазевался, и его разорвали на части.

Я тоже состояла в разведке. Нашими задачами было проникать в города, помечать на картах скопления зомби, находить провизию и прокладывать маршрут на случай, если Бастион падёт.

Есть ещё спасатели. Их можно было узнать по красным повязкам на плече. По наводке разведки они выводили выживших из карантинных зон, иногда тащили их на себе. А иногда убивали, если те всё же заразились.

У них даже был неофициальный свод правил, нацарапанный на стене казармы:

Никогда не снимай повязку.

Если сомневаешься — считай до тридцати и стреляй.

НИКАКИХ ГЕРОЕВ. *Рискуешь только если шанс на спасение >60%. Мёртвый спасатель никому не нужен.*

Анжелика не была неуязвимой, но я уговорила генерала допустить её к программе тренировок. Потому что зомби — ещё не самое страшное. Хуже люди. Особенно те, кто уже осознал, что в новом мире нет законов, а есть только язык силы.

Я замерла у стальной двери с табличкой «Генштаб». Тусклая красная лампочка у косяка пульсировала, значит, генерал никого не принимал. Но меня позвал. И это настораживало.

Меня выдернули прямо с занятия по изготовлению им-

провизированного оружия. Мы учились превращать хлам в что-то действенное. Тот, чья «поделка» выводила манекен из строя, побеждал. Первенство продолжал держать Костров. Последний раз он умудрится создать конструкцию из водопроводных труб и пружин, которая разнесла не только его противника, но и два соседних манекена.

Я стиснула зубы. Подумать только, день едва начался, а он уже заполз в мои мысли, как тот червь в яблоке из детской сказки.

После моего короткого стука раздалось хриплое «Войдите». Остановившись ровно посередине потёртого ковра с двуглавым орлом, я без лишних слов приготовилась слушать.

Как всегда на столе генерала лежали карабин, портсигар с гравировкой, полевой телефон и фотография в рамке. *Его семья.*

Наши взгляды встретились. И в его я нашла ту же боль, что видела в своих глазах перед зеркалом.

На стене за генералом висела карта города. Она была усеяна булавками. Чёрные отмечали улы зомби, красные — очаги заражения. Жёлтые булавки обозначали слепые, неизведанные уголки. Зелёные точки указывали на Бастион и редкие места, где ещё пока существовала жизнь.

Он едва заметно кивнул в качестве приветствия.

— Кира — он редко обращался ко мне по имени. — Задание, которое я хочу тебе поручить...

По его суровому лицу пробежала тень сомнений. Генерал замолчал, тщательно обдумывая что-то. Казалось, что одно неосторожное слово из его рта могло стать бомбой и взорваться.

— Задание рискованное. И очень важное

— Цель?

Михайленко резко поднялся, заслонив собой часть карты на стене. Он долго смотрел на неё, будто читал зашифрованное послание в узлах булавок и линий.

— Связь с *Соколом* прекратилась. Последний сигнал пришел из района бывшей Красноярской области.

Я знала, что Марк отправился туда. Ходили слухи о запасах антибиотиков, обезболивающих и дизельного топлива в той местности.

Рукой, сжатой в кулак, генерал вдруг ударил по карте. Я вздрогнула, но уже через мгновение заставила взгляд сосредоточиться на ней.

Наш Бастион — бывший научный городок под Новосибирском. До Красноярска восемь-десять дней пешком. Для человека. Для них меньше. Особенно если это не просто зомби, а альфа-мутанты.

Команда Сокола наткнулись на них или на очередную стаю

Генерал прервал мои мысли:

— Они могут идти сюда.

Он не стал уточнять, кто именно «они». Не нужно было.

— Если до ночи Сокол не объявится. Возьмешь троих. Проверишь последнюю точку связи.

— Кого беру?

Он повернулся, и впервые усмехнулся за наш разговор.

Оставшиеся тренировки и ужин прошли как в тумане. Мысли крутились вокруг предстоящего задания и трёх позывных. Жизни людей, которые стояли за ними, теперь на моей ответственности.

Я снова открыла папку с досье. Нужно понять, кто на что способен, чтобы определить верные роли.

Первая страница — фото, от которого я невольно откинулась назад. На меня смотрел двухметровый исполин с прямым мощным взглядом, способным пробить бетонную стену.

— Танк, — тихий смешок сорвался с губ. — Что ж, Глеб Морозов, вам весьма подходит.

В глаза бросился затянувшийся на лбу шрам, и желание как-либо шутить над этим громилой тут же отпало. Бывший шахтер, потом контрактник в «морских котиках». В отчётах сплошные «прикрывал отход», «держал дверь», «выносил детей из завалов». Он часто брал удар на себя. Это достойно восхищения.

На мгновение показалось, что следующая страница обожгла подушечки пальцев. Оля Темных или «Феникс». Бывшая медсестра из инфекционного отделения.

Её фото

Я тяжело сглотнула. Ожоги покрывали большую часть её тела. Поговаривали, что, когда вирус проник в её больницу, она заперлась там вместе с заражёнными и подожгла здание. Чудом уцелела, выпрыгнув с третьего этажа.

Оля отвратно стреляла, но могла сбить температуру подорожником, сделать компресс даже из мха или наложить шишу из палок. Медик в команде определенно повышал шанс на удачное завершение дел.

Последний лист терпеливо дожидался, когда его перевернут, но я не спешила. Когда всё же сделала это, задержала дыхание.

Костров.

У него даже фотка отличалась от всех. Стоял вполоборота и весело подмигивал, будто это не досье, а съёмки для журнала или какого-нибудь календаря с самыми завидными женихами апокалипсиса.

В графе «Особые навыки» вместо серьёзных вещей чьей-то наглой рукой было выведено: «Выглядит сексуально даже в противогазе» и «Стреляет так, будто пули его слушаются».

Я закрыла папку с глухим стуком. Состав ясен, оставалось лишь правильно его смешать.

Часы на руке издали короткий писк. 21:30. Полчаса до отбоя.

Я напряжённо смотрела на входную дверь, ожидая сестру. Прошло десять минут, но ничего не изменилось. Она так и не появилась. И хотя разум помнил, что Бастион безопа-

сен, здесь нет места для зомби и вируса, тревоге было плевать. Она давно выпустила свои мерзкие холодные щупальца, которые смыкались кольцами по всему телу каждый божий день. Иногда это чувство было просто игнорировать, но в те моменты, когда я надолго теряла связь с Анжеликой, лишь короткий шаг отделял меня от падения на дно паники и беспомощности.

В 21:45 ноги уже сами несли меня к полигону.

Глава 2. Кэп

Давным-давно, ещё до того, как весь этот пиздец апокалипсиса обрушился на нас, умный человек сказал: «Смех продлевает жизнь». Вероятно, поэтому я ещё живой. Может, и не поэтому вовсе, но я предпочитал следовать этой установке с тех пор, как научился открывать рот.

Толпа щуплых пацанов зажимает тебя за интернатом? Просто припомни непобедимую фразу про шакалов, которые нападают на льва. Одноглазый зомби ползёт за тобой в полуразвалившемся торговом центре? Иронично подметь, что «ну, значит, когда-то он выбрал вилку». Кажется, что готов сожрать свинью, а паёк закончился ещё сутки назад? Шутка про то, что голод — не волк и не зомби, в мозг не вгрызётся, точно скрасит время.

Я саркастичен, когда страшно. Смеюсь, когда хреново. Потому что жизнь — дерьмо. Была дерьмом до вируса, осталась дерьмом после. Но если не добавить в это ведро говна ложку чёрного юмора Даже не знаю, ради чего тогда просыпаться.

— Готов проигрывать, кэп?

Серый хлопнул меня по плечу, прервав поток философствования в голове.

— Я же говорил, что обожаю твою безнадёжную веру в себя?

— Ага, уже дважды за сегодня, — он лихо покрутил лук в руке. — Но на этот раз у тебя никаких шансов, друг.

С улыбкой я потирал место, куда приземлилась его медвежья лапа. Вся его поза так и лучилась уверенностью. Я подозрительно прищурился. Когда это он успел превратиться в Робин Гуда?

Ответ прилетел в виде цепкой обезьянки, которая вскарабкалась к сопернику на спину.

— Он две недели таскался за моей сестрой, — сообщила Анжелика, крепко держась за мощную шею Серого и болтая ногами. — Теперь мнит себя олимпийским чемпионом.

Я присвистнул, соорудив выражение ужаса на лице. Сестричка Лики и впрямь тяжёлая артиллерия.

В который раз я прошёлся по Анжелике взглядом. Ну серьёзно, они точно были родными? Одна, словно прыткий солнечный зайчик, другая — точно хладнокровная волчица, которая в один миг разорвёт тебе глотку.

Признаться, это даже заводило. Старшая Волкова для меня была сродни вызову. И когда-нибудь я заставлю её засмеяться.

— Наконец-то сделаю тебя, а потом буду напоминать об этом. Каждый день, — квадратное лицо Серого едва ли не трескалось от самодовольства.

Способности Волковой как учителя не вызывали сомнений, а значит, срочно требовалось изменить правила игры.

— Раз уж ты теперь ас в стрельбе, давай усложним задачу?

— я осмотрел мишени, а заодно и всё стрельбище.

Раньше здесь была спортивная площадка, а теперь это место больше смахивало на локацию для хоррор-квеста. Повсюду валялись обломки стрел и гильз, а вместо препятствий стояли странные конструкции из подручных материалов. На ржавых бочках с облупившейся краской были нарисованы оскаленные морды, в которые мы и стреляли. Антуражненько, ничего не скажешь.

— И что ты предлагаешь?

Я пожал плечами, мысленно празднуя. Серый никогда не упустит шанса покрасоваться.

— Будем стрелять с повязкой на глазах.

Соперник насторожился, а Лика и остальные пришедшие поглазеть с энтузиазмом загоготали.

Раз, два, три

Стрела Серого пролетела мимо всех мишеней и с унылым свистом вонзилась в деревянный забор.

— Пиздец! — выругался он, стянув тряпку с лица. — Да это невозможно.

— Зомби-вирус тоже когда-то был невозможен. Смотри и учись.

Я повязал тонкую полоску ткани. Обоняние обострилось, я даже почувствовал запах сосновой смолы от древка стрел.

— Всем расходиться по комнатам.

Команда Волковой раздалась ровно тогда, когда я уже ощутил тетиву на кончиках пальцев. За спиной прокатились

взволнованные шепотки. Даже не видя её, знал: она стояла в своей излюбленной позе со скрещенными руками.

Губы растянулись в ухмылке.

— Привет, волчица.

Она проигнорировала меня. Как всегда.

Когда я снял повязку, толпа заметно поредела. Кто-то сидел на ящиках из-под боеприпасов, кто-то примостился на трубах, свисающих с остатков трибун. Остались только самые стойкие, те, кому хлеб и зрелища были дороже сна, и, конечно, Анжелика, которую старшая Волкова то ли душила, то ли четвертовала взглядом.

— Мы не делаем ничего плохого, — глухо прозвучало где-то позади.

Голос Анжелики смешивался с окружающими звуками, но Волкова сразу отыскивала сестру, будто у неё был встроенный радар на неё.

— После отбоя не положено шататься, — резко отчеканила Кира.

Удивительно, что от её тона земля не промерзла в ту же секунду. Но что ещё удивляло, как Лика стойко держалась. Сестринский иммунитет?

— Иди домой.

— Это приказ? — Анжелика выступила вперед.

— Да.

Я, как и остальные, с интересом наблюдал за противостоянием сестёр.

— Но у меня нет *дома*, если ты забыла, сестричка.

Казалось, фраза не задела Киру. Но лишь казалось. На *ми-молетную* секунду, клянусь, что-то дрогнуло в её лице.

— Иди.

Когда младшая скрылась из виду, Волкова взялась и за нас.

— Вы тоже расходитесь.

Несколько парней помоложе засеменили к выходу. Я с Серым и ещё пятью-шестью курсантами остались.

— Мы не твои младшенькие, — я сделал шаг к ней и попытался обнять за плечо, но она увернулась. — Злобное ворчание нас не остановит. Мы уйдём, только когда кто-то метко попадёт в цель.

Люди невольно напрягались, когда она медленно скользила по ним взглядом.

Кира хмыкнула.

— Значит, если я это сделаю, вы уберётесь?

Я с театральным почтением протянул ей лук.

Ну что, Волчица, покажи класс.

Установилась тишина.

Я стоял в паре шагов от неё, ловя каждое движение. Она не нервничала ни на йоту. Дышала размеренно. Ноги слегка расставлены, корпус развёрнут, плечи расслаблены. Пальцы скользнули по тетиве, плавно натянув. Даже вслепую действовала так обыденно, так горячо

Стрела со звонким щелчком мгновенно достигла цели,

пронзив её с сухим звуком «ткк!».

— Охуеть, — выдохнул Серый.

Кто-то нерешительно захлопал, но Кира не удостоила это реакцией. Она просто опустила лук, будто только что не совершила меткого выстрела.

Теперь уж точно все начали расходиться. Я и сам развернулся, признавая поражение, как вдруг её пальцы схватили меня за рукав.

— Что?

Уголки её губ приподнялись, однако во взгляде по-прежнему не было ни намёка на радость от победы.

— Сигареты и настойку, — чётко произнесла она. — Разве не на них ставили?

Кира не курила и не пила, я точно знал.

Серый рядом с сожалением застонал, когда мы начали выворачивать карманы. Две помятые пачки и фляжка из моих рук переключались в её с позорной лёгкостью.

— Мог и придумать что-нибудь, — прошипел он так, чтобы Волкова не слышала. Но, уловив что-то в моём выражении лица, закатил глаза и застонал ещё громче. — Да ты ей всё, блин, отдашь, если попросит

И я не спорил.

Вот только она никогда не попросит.

Она с показным видом сунула добычу в карман и растворилась в полумраке, даже не оглянувшись.

Блядь, это же ненормально, что у меня почти вставал на

такое?

После отбоя Бастион переходил на аварийное освещение, и всё вокруг погружалось в красный полумрак. Тусклые лампы проводили меня по коридорам, отбрасывая на стены кривые пульсирующие тени.

Комната встретила привычным хаосом. Внутри находилось не так много мебели, но я всё равно умудрился споткнуться, хоть и знал эти четыре стены наизусть. Две койки напротив друг друга, стол посередине. На нём наш «сын» — небольшая станция для связи, переделанная из военного радиоузла. Мы звали его «Громушка 666». Красивая цифра на деле составляла всего 60 километров, и то при хорошей погоде.

— М-да, без любимого зануды, оказывается, становится ещё тоскливее, — пальцы сами потянулись к напоминанию о нашем общем детстве на прикроватной тумбе.

Я щёлкнул блондина с милейшей мордашкой по носу и невесело усмехнулся.

— Когда вернёшься? А то я уже начинаю разговаривать с маленькими мальчиками на фотках.

Взяв одну из люминесцентных палочек, выигранных в куда более простом соревновании, чем стрельба, я осветил снимки и внимательно изучил каждую деталь.

Нам было лет по десять, когда нас фотографировали. На моей голове сверкала щетина. Кажется, тогда меня побри-

ли из-за вшей. А вот золотистые кудри этого диснеевского принца оставались на месте. Поразительно, но ни в одном нашествии гнид в детдоме его макушка ни разу не пострадала.

Глаза Марка напоминали глаза Волчицы. Оттенок был другим, но выражение, серьёзное и колючее, оставалось неизменным. Может, Анжелика приёмная, а не Сокол? Их ведь могли просто перепутать в детстве.

Поток бредовых мыслей не прекращался, и я не пытался его остановить. Так хотя бы меньше лезло всякой хрени в голову: «А как там Марк?», «А удастся ли наладить насосы, чтобы подача воды в трубы восстановилась?», «Когда уже новая вылазка за стены? Хотелось бы прикончить парочку зомби, чтобы заполнить пустоту внутри».

Как по волшебству, в дверь постучали, выведя меня из мрачных размышлений.

Даже в тусклом алом свете я распознал ту, что стояла передо мной.

И всё же, как бы они с Марком ни были похожи, Волкова в моём вкусе куда больше.

— Собирайся.

Её спокойный голос побуждал говорить глупости.

— Но у меня нет платья, — с огорчением показал на свои спортивные с отвисшими коленями. — И ты не превратила крыс в лошадей, а тыкву в карету.

— Мы не на бал идём, шутник.

— Понял. «Золушка» — не твоя любимая сказка. Как насчёт «Красной шапочки»? Там ведь тоже был волк. Правда, ты волчица

— Используешь весь свой искромётный запас в дороге.

— И куда же ты меня похищаешь?

— В Красноярск.

Рука сомкнулась на дверной ручке. Кира поджала губы и кивнула, подтверждая невысказанную мной догадку.

— Он может быть в порядке, — произнесла она.

Я совсем не ожидал, что она попытается меня утешить. Но «может быть» от Волковой — уже хорошо.

— Конечно, в порядке. В конце концов, он лучший, — излишне бодро протянул я. Помня, что зачастую лучшие погибали в первую очередь.

Но Марк точно жив. Я знал это. Иначе никак.

Глава 3. Мы едем, едем, едем...

Если бы раньше кто-то спросил меня, как пахнет зомби, я бы с ухмылкой начала перебирать самые неприятные ароматы. Сейчас же я точно знала ответ и старалась не думать о том, что скоро мерзкий ацетоновый запах вновь въестся в кожу, волосы, одежду и даже мысли. О том, что стоит его только вдохнуть, и он тут же впивался тебе в глотку, а затем проникал в лёгкие. Ни редкие походы в душ (вода в Бастионе была на вес золота или табака), ни яростное трение кожи жёсткой щёткой не спасали от этого ощущения.

Помню, как впервые размозжила твари череп дверцей от шкафа, и меня сразу же вывернуло от этой вони. Прямо на зомби. Лица потом месяц дразнила меня «тошнотиком». Её желудок оказался куда крепче моего. Но и её та сцена не отпускала. По ночам она частенько оказывалась гостем в моей кровати. В моих объятиях, дрожащая и всхлипывающая от кошмаров.

На утро она, конечно, делала вид, будто ничего не было. А я не лезла к ней в душу. Мы не могли иначе. Не умели. Сказалось воспитание отца-военного и бывшей чемпионки по художественной гимнастике. Ещё до заварушки с вирусом нас учили не плакать, не хныкать, стискивать зубы, если больно или страшно.

На пропускном пункте царил тишина.

Пожалуй, одна из немногих позитивных вещей апокалипсиса — это ночное небо. С обесточиванием городов стало ясно, что прежде я никогда не видела его настоящим. Зато теперь перед глазами раскинулась вся звёздная карта. Не было нужды идти в планетарий, уезжать куда-то на природу или покупать телескоп, чтобы всем этим любоваться. Все-го-то и надо протянуть руку и коснуться лебедя, медведицы или centaвра.

Шея затекла, должно быть, я слишком долго простояла, уставившись вверх. В морозном спокойствии вдруг прозвучал хохот. Неуместный и совершенно оглушительный для нынешнего часа. Выдохнув облако пара, я обернулась к своей команде.

Оля кивнула с видом человека, который уже пожалел, что согласился. Глеб сухо поздоровался. И лишь Денис Костров залился серенадой.

— До выхода ещё раз проверьте снаряжение. Ножи, стрелы, запасы воды.

— Не переживай волчица, даже если мы что-то забыли, с нами всё ещё твои смертоносные зубки.

О, если бы взглядом можно было отвечать тумак.

Костров шире ухмыльнулся в ответ на моё недовольство. Будто только что пошутил свою лучшую шутку за жизнь, ей-богу.

— Только не загрызите друг друга в порыве страсти, ладно? — протянула медсестра, сделав последнюю затяжку. —

Растеряете кровь, а она у вас редкая. Еще пригодится.

Она швырнула бычок в мусорку, и тот пролетел мимо.

Ей лучше не давать оружие без крайней необходимости.

Расписавшись в журнале, я вернула ручку дежурному и вышла, позвякивая ключами. Остальные уже ждали у уазика. Топлива должно было хватить до Кемерово, если без форс-мажоров, разумеется. Дальше — лотерея: либо выжимать последние капли на заправках и из брошенных машин, либо рискнуть и наведаться в ближайшие к городу заводы по переработке нефти, там могли оставаться кое-какие припасы. Вот только зачастую в таких местах селились мародёры, промышленяющие на чёрных рынках, или что похуже.

— До первой остановки ехать примерно четыре часа. Можете вздремнуть, — оповестила я, настраивая зеркало заднего вида.

Сзади раздалось невнятное бормотание. Военный УАЗ, конечно, не малютка, но для Глеба с его размерами салон был явно тесным. Его колени плотно упирались в спинку моего сидения.

«Точно затекут», — коротко посочувствовала я. А вот для маленькой рыжеволосой бестии места было с избытком. Не хватало только одного.

— Давай уже! — крикнула я, высунувшись в окно.

Когда дверца хлопнула с другой стороны, стало ясно, что мне чертовски не повезло. Мало того, что мы в принципе оказались с ним в замкнутом пространстве, так он будет ещё

и сидеть в нескольких сантиметрах.

— Пристегнись.

— Что-то не вижу у тебя полосатого жезла для таких команд, — со своей сладкой улыбкой пропел он.

— Сейчас, подожди, достану из твоей задницы.

— Ещё никто так грубо не покушался на мою задницу, — он развернулся к сокомандникам, намеренно задев меня коленом. — Вы же защитите мою честь в случае...

Я вдавила педаль в пол прежде, чем он закончил фразу. УАЗ рванул вперёд, и законы физики сделали своё дело: Костров плюхнулся на сиденье с таким выразительным стоном, что даже Глеб фыркнул.

— Всё в порядке? — с притворной любезностью осведомилась я.

— Как никогда. Могу снять штаны и проверишь, — не менее любезно предложил он.

«Это будет долгая дорога», — в который раз подумалось мне.

Серебристые вкрапления давно пропали. Ночная синева расплзлась красными, оранжевыми и розовыми кляксами. Мы проехали несколько сёл и мелких городов, но ни в одном не останавливались. В них было относительно безопасно, если верить разведке. Но отступить от намеченного плана не хотелось.

Иногда, забывшись, я вдавливала педаль газа, но одёржи-

вала себя, держась в рамках 90 км/ч. Не слишком медленно и оптимальный расход бензина.

Скользнув взглядом вверх, убедилась, что пассажиры всё же прикорнули.

— Не против, если открою окно?

Я сверилась с проводным термометром, закреплённым на наружном зеркале, и кивнула.

Пять часов, и уже плюс двадцать пять.

Вирус изменил не только людей, но и природу. Границы между сезонами исчезли. Не стало весны и осени. Шесть месяцев адского жара днём и заморозков ночью, ещё шесть — лютой зимы с сугробами и низкими температурами.

На периферии мелькали неторопливые движения Кострова. Он достал бронзовую зажигалку, щёлкнул крышкой и чиркнул по колесу. Пламя игриво вспыхнуло.

Обычно я не переносила табачную вонь, но его сигареты пахли сносно. Будто запах мокрой древесины смешался с чем-то горьким. Сам же Денис курил так, словно участвовал в пьесе. Он ведь просто подносил сигарету ко рту, так почему это казалось таким чувственным, ненормально изящным?

— Крепко Анжелике досталось?

Его взгляд буквально прожигал мой висок, но я не повернулась. Глаза по-прежнему были устремлены на дорогу.

— Не досталось бы, если бы ты соблюдал распорядок, — руки сильнее сжали руль.

Раздражение на него переплелось с беспокойством за

сестру. Мы так и не поговорили с Анжеликой как следует. Она демонстративно избегала меня, перед выездом ничего не изменилось. Возможно, не нужно было так остро реагировать на стрельбище, но одна мимолётная мысль о том, что с ней могло что-то случиться, мгновенно превращала меня в истеричную курицу-наседку.

К этому моменту между пальцев Дениса уже оставался маленький окурок. Он сделал последнюю затяжку, собираясь выбросить мусор в окно, но я молча наклонилась и выдвинула пепельницу.

Костров по-детски фыркнул, но бычок послушно скрылся в металлическом лотке.

— В следующий раз можешь прийти и нарычать меня, — предложил он.

— Тебе нравится, когда тебя отчитывают? — я не смогла сдержать недоумения.

— Нравится, когда это делаешь *ты*.

Он ведь даже не имел в виду ничего такого. Обычная болтовня, но тело отреагировало моментально.

Дурацкое обаяние. Я стиснула зубы. Хуже всего было то, что против этой силы Кострова не существовало иммунитета.

— И как Марк с тобой уживается? — я тут же пожалела о вырвавшихся словах.

Губы Кострова дрогнули в усмешке. Вот только в ней не было ни грамма веселья. В голове тут же проскользнуло глу-

пое желание пообещать, что мы обязательно отыщем его друга. Но я вовремя прикусила язык. Подобное обещание едва ли чего-то стоило.

— Тебе будет сложно в это поверить, — он закинул руки за голову, — но не все хотят подвесить меня за яйца.

Я непроизвольно поморщилась:

— Что за бред? Я тоже не хочу этого.

— А некоторые даже считают меня приятным, — он продолжал клоунаду, но вдруг в его голосе появилось что-то новое: *уязвимость*. — Марк так вообще с детства благодарит судьбу за то...

Оглушительный хлопок резанул по перепонкам. Машину бросило в сторону, и я чудом удержала руль, почувствовав, как резина визжит по асфальту.

В ушах звенело, а в груди бешено колотилось сердце, но я заставила себя повернуться к задним сиденьям.

— Целы? — хрипло произнесла я.

— Да, — отозвался Глеб, потирая покрасневший лоб. — Ты сама-то в норме?

Я кивнула, сканируя Олю на наличие травм. Но, похоже, та не пострадала, лишь побледнела сильнее обычного.

— Никогда так не радовался, что послушался тебя, — пальцы Дениса дрожали, пока он пытался отстегнуть ремень безопасности. Но тот, похоже, заклинило.

Когда я помогла ему, он облизнул губы и с искренним восхищением произнёс:

— Серьёзно, с этого момента приказывай мне почаще, ладно?

— Уймись, — я потянулась к винтовке, спрятанной под сиденьем.

Винторез лёг на плечо привычной тяжестью. На место адrenalина пришла холодная ясность в голове.

Выбравшись из машины, я не сдержала тихого проклятия. Передние колеса уцелели, а вот задние — оба спущены. Повезло, что не перевернулись. Я отстранённо переключила внимание на дорогу, ища причину аварии.

В трёхстах метрах посреди асфальта были растянуты «ежи», их металлические штыри издевательски блестели в лучах утреннего зарева. Я прижала приклад к плечу, ощутив холодный металл у щеки. Большой палец скользнул по предохранителю, переводя его в боевое положение.

Прицел неторопливо кружил по местности. Вокруг глушь. Справа от дороги раскинулись поля с редкими берёзами и клёнами. Слева березняк погуще. Но сколько бы не всматривалась, в застывшей картине не шелохнулось ни веточки.

Не снимая пальца со спускового крючка, я вернулась к машине и резко постучала по крыше. Глеб распахнул дверь и с облегчением вытянул одеревеневшие ноги.

— Ну что там? — Оля тоже показалась из салона.

— Два колеса накрылись.

«А запаска только одна», — мрачно подкинула память. Даже если заменим, далеко не уедем.

Оля развернула карту, а Глеб и Денис пошли разбираться с поломкой.

— В пятнадцати километрах Болотное. Там ведь есть схрон, — предложила медсестра.

Меня передёрнуло. Этот городишко считался мёртвым. Год назад наши зачистили гнёзда, а не заразившихся привезли в Бастион. Но тогда кто расставил ловушку? В такой глухомани.

Пока я взвешивала риски, парни тихо переругивались между собой.

— У нас маленькая проблема, — Глеб отошёл в сторону, жестом приглашая оценить масштаб катастрофы. Его лицо было непроницаемо, но пальцы нервно постукивали по дверце багажника.

— Говори за себя. У меня нет ничего маленького. И проблем в том числе, — Денис потянулся за очередной сигаретой.

Приблизившись к колесу, я заметила небольшие проколы в нескольких местах.

С каждой минутой наше положение нравилось мне всё меньше.

— Я ведь точно всё проверила. Бензин, двигатель, запасное колесо.

Может, это мой разум меня подводил? Костров стоял, задумчиво наблюдая за дымом своей сигареты.

— Волчица, — он неожиданно серьёзно произнёс мою фа-

милию, — слишком хреновое совпадение. Нас ждали.

Пришлось согласиться. Это не случайность. Наш маршрут слили, но *кто* и *кому*?

Нельзя задерживаться, Болотное тоже не вариант. Я водила пальцем по шершавой карте, пока не нашла выход. Можно свернуть на юг. Путь будет долгим и трудным, но, возможно, менее опасным, чем та очевидная ловушка, в которую нас хотели загнать.

— Берите только необходимое, — приказала я, свернув карту и спрятав её в задний карман джинс. — До Кемерово идём пешком. Там найдём транспорт.

Оля нахмурилась.

— Серьёзно? Сутки по этому пеклу?

— Ещё и по холоду, да. Есть возражения?

Тишина. Даже Костров промолчал.

Я в последний раз провела прицелом по горизонту. Ничего подозрительного, как и прежде.

— Тогда пошли. И будьте начеку.

Глава 4. А все бегут, бегут, бегут. И я бегу

Лес жил своей жизнью, будто апокалипсиса и не было. Иногда сквозь скрип сосновых ветвей слышалось щебетание птиц. Несмотря на зной, особенно смелые пернатые выбрались из укрытий. Я и раньше так думал, но сейчас для всех стало очевидным, что мир природы куда живучее человечества.

Вирус, выкосивший города, почти не затронул флору и фауну. Лишь старые да больные особи свалились в первые месяцы. Правда, климатические изменения прочувствовали все. Но и здесь природа адаптировалась быстрее нас.

Зажатая между зубами сигарета вернулась обратно в пачку. В такую жару даже дымить не хотелось. Под камуфляжем, кепкой и бельём бежали ручейки. От раскалённой земли поднимались волны тепла. Они обжигали пятки даже через толстые подошвы ботинок. А ветер, если и появлялся, был сухим и не приносил облегчения.

Сзади сопела Оля, едва поспевая за нами. С каждым шагом она ругала свою нежную кожу и завидовала тем, кто мог спокойно выходить на солнце без риска превратиться в помидор. Её лицо почти слилось с медными пряжами, а старые шрамы от ожогов стали багрово-фиолетовыми.

— И как только эти хрупкие плечи вообще что-то держат? — я фыркнул, когда она наконец поравнялась со мной, а потом схватился за лямки её рюкзака. — Давай сюда, гном-гномыч.

Медсестра застонала и с удовольствием сбросила с себя ношу.

— Почти люблю тебя, Костров, — она прикрыла глаза, утирая пот со лба.

Я водрузил рюкзак себе на спину, кряхтя под его неожиданно ощутимым весом:

— Никаких «почти». Принимаются только «очень-очень» или «без памяти».

Её слабая улыбка натянуто застыла, когда резкий свист Киры прогремел в тишине. Мы переглянулись и мгновенно забыли про шутки.

Я прижался губами к рации, не сводя глаз с расплывчатой фигурки между деревьями. Палец застыл над кнопкой вызова.

Пять, шесть, десять.

Секунды тянулись похлеще жвачки. Я всматривался, но ничего не видел. У меня не было винтовки, как у волчицы.

По лесу прокатился глухой выстрел.

— Что там? — не выдержал я.

Рация шипела, будто дразнилась. Но, к счастью, раздался ровный голос Волковой:

— Одиночка, но лучше проверить.

Вновь короткое шипение.

— Мы с танком пройдем дальше. Ждите команды.

— Принято.

Я отпустил кнопку, но тут же зажал вновь.

— Осторожнее там. Нам ещё детей крестить.

— Каких ещё детей? — Помехи не скрыли её раздражения.

Я расцвёл из-за того, что она не усмирила любопытства.

— Слышал, Стасе рожать через пару недель. Думаешь, возьмёт нас в крёстные?

Рация замолчала окончательно. Но я-то знал, что Кира сейчас качала головой и тихо ругалась на меня.

— Ты конкретно на неё подсел, да? — За это время Оля успела уютно устроиться на поваленной сосне.

— Понятия не имею, о чём ты.

— Да брось, — она достала флягу из поясной сумки. — Ты всю дорогу пялился на её пятую точку. Как только не на-вернулся?

Пожав плечами, я плюхнулся рядом.

— Я изучал брелок.

Оля сделала долгий глоток, вода стекала по её подбородку, но она не отводила насмешливого взгляда.

— Который болтался у неё на заднице.

— Вот именно! Разве не очевидно, что есть разница между «смотреть на задницу» и «смотреть на брелок, свисающий с ремня»?

— Ага, — она резко замолчала. Пальцы вцепились в моё предплечье. — Там что-то движется.

Я обернулся, ожидая увидеть какую-нибудь ветку, зацепившуюся за другую ветку, или кролика на худой конец.

За первым, пошатываясь, показался второй, третий...

Неожиданно в памяти всплыл детский сад напротив моего техникума. Вместо того чтобы слушать о логарифмах, я часто смотрел в окно. Розовое кирпичное здание, украшенное цветами и облаками, запомнилось лучше, чем лицо учителя. Особенно забавляло, когда нянечка вела по тротуару длинную колонну щебечущих малышей. Гниющие твари в трёхстах метрах от нас выглядели далеко не так мило, как те пупсы, держащиеся за ручки. Но вот такие вот у меня чудные ассоциации.

— Давай сваливать. — Оля потянула меня за рукав.

Лично я не был против столкновения. Тело требовало разрядки, просило броситься в адреналиновый омут, забыться. Но то, как она это произнесла, заставило даже мою потрепанную совесть, или что там у меня было, сомневаться.

Мы отступали к месту, где скрылись Глеб с Киrom. Я шёл за Олей спиной вперёд, не сводя глаз с шатающейся шеренги мутантов. Их было шестеро. Может, семь.

Куда их понесло?

Раньше я обожал зомби-фильмы. Вот только зачастую те изображали мертвецов как медлительных и безмозглых созданий.

Реальность оказалась куда веселее.

Конечно, зомби, которые едва перебирают ногами и туго соображают, пруд пруди. Однако Царь-вирус оказался довольно изобретательным. Он не просто убивал, а экспериментировал, лепил из наших организмов какие-то новые извращенные формы жизни.

С каждой вылазкой нас поджидали «сюрпризы».

Одни зомби научились бегать. Да так, что любой спринтер им бы позавидовал. Другие чуяли живых за километр, а то и два. Но самыми опасными были те, что сбивались в кучки. У таких всегда находился вожак. И этот предводитель проявлял смекалку. До человеческой далеко. Но это был уже и не кусок мяса с инстинктами. Он словно учился и учил других: охотиться, загонять добычу, даже пускать в ход палки и камни.

Хруст какой-то ветки и шипение Оли вышли чертовски громкими. Я выругался.

Зомби-колонна замерла. Самый крупный из них повернул к нам лицо или то, что от него осталось. Сквозь глубокие язвы проглядывали зубы. На месте носа зияла пустота, и он водил ею в воздухе, словно принюхиваясь.

Кажется, Оля даже перестала дышать. Бесполезно.

Из горла твари вырвался какой-то булькающий звук, и вот уже все в этой дружной компании дёрнулись в направлении нас.

«Дерьмо», — философски заметило подсознание.

И я, в общем-то, был согласен. Никак не рассчитывал сегодня становиться шведским столом для проголодавшихся мутантов. Но что поделать.

— Беги вперёд, — швырнул её же рюкзак под ноги. — Если что, лезь на дерево и вызывай Киру.

— Ты что удумал? — Олины глаза метались между мной и приближающимися тварями.

Я весело подмигнул и, не дав ей опомниться, рванул в сторону.

— Эй, симпатяги! — Я приставил ладони ко рту. — Смотрите-ка, кто здесь! Сочный, вкусный, без ГМО.

Они клюнули.

Прежде чем бежать, бросил последний взгляд через плечо. Хотел убедиться, что Оля мчит подальше отсюда, сверкая пятками. Но она продолжала стоять, чёрт её дери. Уперла ногу в пень и целилась с дрожащими руками.

Какого?

От выстрела зазвенело в ушах.

Пуля угодила в самого низкого и упитанного зомби: сорвала гниющее мясо с живота. Вот только это едва ли его задержало. Её глаза встретились с моими на долю секунды. Времени на разговоры больше нет. Кросс начался. Или лучше назвать это догонялками не на жизнь, а на смерть?

Грохот земли отдавался вибрацией в ногах, но мы бежали, не сбавляя темпа. Рычание и гудящие звуки из их пастей нехило подгоняли. Настолько я не выкладывался даже

на уроках физкультуры. Физрук бы мной гордился.

Лёгкие горели, пот застилал глаза. Мы сразу сбились с первоначального направления. Берёзы, ели, стволы деревьев — всё мелькало цветными пятнами. Оля споткнулась обо что-то, и я едва успел схватить её за ворот кофты, прежде чем она растянулась бы на земле.

Мы петляли меж кустарниками и деревьями, уворачиваясь от низких веток, перепрыгивая коряги. Эти же неслись напролом. А если цеплялись за ветви, то просто оставляли часть своей плоти, но ни на йоту не мешкали. Ещё бы. Упустить такой лакомый кусочек. Будь я зомби, ни за что бы себе не простил.

Внизу тянулся почти пересохший ручей. Мы упёрлись в крутой склон. Спуститься, не сломав шею, вряд ли удалось бы, поэтому двинулись вдоль обрыва. Удача определённо поцеловала меня в лоб. Или я её в зад. Не так важно, ведь она снова не оставила меня.

Впереди показалось дерево. Оно выглядело как надо. Крепкое, широкое, с сучьями, по которым при желании можно вскарабкаться.

— Полежай! — я толкнул Олю к дереву.

Она вцепилась, я подсадил её, и прыгнул следом, хватаясь за ближайшую шершавую ветку.

Зомби нагнали нас. Один схватил меня за ботинок.

— Давай без касаний на первой встрече, дорогуша, — сквозь зубы процедил я, дёргая ногой. Тварь сорвалась, а я

из последних сил подтянулся, чувствуя, как дрожат руки от напряжения.

Тот, что учуял нас первым, остановился ровно под нами. И то ли солнце так падало, то ли мой разум воспалился ещё сильнее, но мне показалось, что в его мутных глазах вспыхнула насмешка. Отделаться от этого видения не получалось, хоть и знал, что такое невозможно.

Первый год, когда вирус удавалось более-менее сдерживать, учёные старались выяснить как можно больше о заражённых. Благодаря им мы знали, что вирус вызывает масштабный некроз коры головного мозга. В относительной сохранности остаются разве что гипоталамус и какие-то другие участки с замудрённым названием, которые ответственные за базовые инстинкты. О сложных эмоциях или процессах речи не шло: только голод да агрессия.

Им не было больно — болевые рецепторы переставали работать в первые недели заражения. Они не знали усталости, хоть их мышцы и работали на пределе. Сердцебиение замедлилось до 10-15 ударов в минуту, едва поддерживая минимальное кровоснабжение. Ни мёртвые, ни живые.

От бега, казалось, ныли даже ресницы. Пять секунд. Дам себе всего пять секунд передышки, потом надо думать. Оля держалась за ствол с закрытыми глазами. Хотел выдать какую-нибудь шутку про боязнь высоты, но вспомнил, как она когда-то сиганула со второго этажа больницы. В Бастионе это часто обсуждали.

— Почему не убежала?

Она зажмурилась сильнее.

— Я ведь медсестра.

— А я не твой пациент.

— Стал бы им, — она приоткрыла один глаз, — из-за твоего безумного плана.

Кора впивалась в ладони, оставляя красные следы. Внизу зомби кружили, как акулы, почуявшие кровь. Хотя сомневалась, что они действительно учуяли кровь. От меня разило так, как будто я искупался в поте какой-нибудь футбольной команды.

Я достал пистолет из кобуры и прицелился. Кира убьёт меня за столько потраченных патронов.

На мгновение взгляд задержался на безносом. Больше никакой насмешки в этой мутной пелене. Ничего человеческого. Только пустота и вечный голод.

Я выстрелил.

Глава 5. И встретились два молчуна

Ветра не было. Руки уверенно держали винторез. Палец лежал на крючке. Никаких факторов, которые могли бы помешать при выстреле. Даже облик монстра не сбивал моего дыхания, не заставлял ладони потеть и не ускорял пульс.

На мгновение оторвавшись от прицела, я посмотрела на зомби своими глазами. Как его звали раньше? Антон? Игорь? То, что когда-то это был мужчина, можно было понять только потому, что на нём не было штанов.

Возможно, он ходил на завод или сидел в офисе. У него могли быть дети. Может, он даже был красавчиком. Сейчас же его лицо напоминало рисунок в детской тетрадке, на которую кто-то пролил воду. Все черты поплыли, исказились, став линиями, которые не вызывали ничего, кроме тревоги.

Я вновь приникла к прицелу и нажала на спусковой крючок без колебаний. Когда в воздухе разлился едкий запах пороха, а от отдачи зануло плечо, где-то в глубине сознания прозвучало «прости». Тихое и бессмысленное обращение к тому, кто исчез задолго до того, как моя пуля разнесла его голову.

Не похоже, что поблизости были другие, но проверить не мешало. После очередной словесной стычки с Костровым

мы с Танком отправились на разведку.

— Сразу видно, что олимпийская призёрка.

Нога неловко зависла над корягой, преградившей мне путь. Должно быть, глупо? Меня не смутило убийство, но выбила из колеи его попытка завести разговор.

— Не призёрка, — резко ответила я. И это прозвучало грубо даже для меня. — Больше нет, — добавила уже спокойнее. А потом вдруг ляпнула то, чего не собиралась: — Мастерство не пропьёшь, да?

В наступившей тишине я громко сглотнула. Я ведь даже не пила, а почему-то решила пошутить так нелепо и по-стариковски. Влияние Кострова?

Неожиданно Глеб рассмеялся тихо и заразительно. Трудно было удержаться от улыбки.

— Я уж думал, чувство юмора тебе не знакомо. — Он посмотрел на меня с интересом, осторожно переступая через покрытый мхом камень.

Мы прошли метров двадцать, как он снова заговорил.

— Моя племянка тоже собиралась в профессиональный спорт. Синхронное плавание, — с гордостью объявил он.

В «Бастионе» за Глебом прочно закрепилась репутация молчуна. Человека, который больше слушает и никогда не делится личным. Тем страннее было слышать это признание, обращённое к той, кто славилась ещё большей замкнутостью.

Нежность в голосе и солнечные зайчики смягчили суро-

вые черты его лица. Это внезапное преображение воскресило в памяти сцены семейных застолий и походов по гостям, когда отец забывал о делах и становился менее серьёзным. Он откидывался на спинку стула и искренне хвастался успехами своих умниц-дочек.

Где-то над головой в ветвях прощебетала птица, словно напоминая, что пора бы сказать что-нибудь в ответ.

— Она в порядке?

Он замедлил шаг, уставившись куда-то вглубь леса. Его плечи заметно поникли.

— Не знаю. Когда связь с братом оборвалась, я пробовал достучаться через родню, знакомых. Даже в карантинные лагеря писал. Без толку.

— А свои дети есть?

— Нет, — он покачал головой. — Раньше расстраивался дико, а теперь вот благодарю Бога за это.

Выживать с детьми в нынешних реалиях больше, чем просто тяжело. Ежедневная рулетка. Однако находятся страшные, готовые сыграть.

Стася, о которой болтал Костров, несмотря на вирус за стенами, недостаток продуктов питания и постоянную угрозу, уже души не чаяла в ребенке, который вот-вот родится. Её муж сам сделал детскую кроватку и игрушки, даже Дениса попросил собрать что-то вроде радионяни. Он сразу согласился и, что поразительно, приступил к делу без шуток и сарказма.

Честно признаться, эта пара вызывала смешанные чувства. И всё-таки где-то в глубине души я считала их сродни цветку на развалинах. Чем-то прекрасным в пучине безысходности.

— Чисто, — сказал Глеб.

— Давай возвращаться.

Мы добрались до места встречи с командой, но никого не обнаружили. Я махнула дулом в сторону. Глеб кивнул. Сама двинулась вперёд. Мимо поваленного дерева, через кусты и карликовые деревья, тесно прижавшиеся друг к другу.

В нос ударил запах гнили и ацетона. Я инстинктивно задержала дыхание и подняла автомат. Нога увязла в чём-то с противным хлопанием. Опустив голову, я увидела рыжие ключья шкуры, внутренности и кости, выступающие из этого месива.

Взгляд заметался по поляне. Земля была измята, трава — пожухлая, испачканная кровью и бог знает чем ещё.

«Ошиблась».

Билось в голове.

«Не одиночка».

Горло сжал спазм.

Пришлось сцепить зубы. Забыть о злости на невнимательность и начать выискивать зацепки. Судя по хаосу передо мной, здесь побывало как минимум три-четыре зомби. К счастью, ни среди кишков, ни среди веток не было вещей кого-либо из команды.

— Кира! — позвал Глеб, слегка запыхавшись.

Он протянул мне фляжку, и я узнала её.

Блядь.

Я никогда не материлась вслух. Даже после конца света сказывалось воспитание мамы. Но в особых случаях позволяла себе делать это в мыслях.

Сейчас был именно такой случай.

Рация мгновенно оказалась у рта.

— Костров.

По ту сторону помех голоса не раздалось.

— Костров, отзовись.

Ничего. По-прежнему только безжизненный шум.

— Где ты её нашёл?

Глеб, не говоря ни слова, развернулся и пошёл назад. Я последовала за ним, не прекращая попыток:

— Костров, если это твой очередной прикол, то я убью тебя.

С каждым шагом фляга, винторез и рация становились всё тяжелее. А потом мы услышали несколько хлопков. Не раздумывая, жестом отправила Глеба вперёд, а сама, сняв с предохранителя, зашла слева.

И вот в прицеле он. Сидит на ветке, улыбается во весь рот и машет рукой. Я убрала ружьё и вздохнула: он в порядке. И, кажется, не более сумасшедшим, чем обычно.

— Говорил же, у неё нюх, как у волчицы. — Денис ловко подхватил Олю, помогая ей спрыгнуть на землю.

Я же, прижимая запястье к носу, медленно прошлась по периметру. От тела к телу. Мозг автоматически вёл подсчёт: «восемь, девять, десять». Итого одиннадцать вместе с тем, которого я успела прикончить.

Взгляд скользнул по спине одного из мертвецов и задержался. На серой коже шеи виднелся необычный шрам. Я присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть. Не следы когтей или ножа, не пуля, идеально ровный.

— Свежий, — раздался над ухом голос Оли. Она сделала затычку, прищурилась. — Месяц, не больше.

Рубцы на коже словно складывались в узор. Слишком симметричный для случайного ожога. Такое впечатление, что зомби клеймили. Но у меня не было времени разбираться ещё и в этом.

— Не пострадали?

Я встала и, отряхиваясь, внимательно оценила её состояние. Оля беззаботно пожала плечами.

— Отделались ссадинами и мокрыми трусами.

И всё же её бравада вышла слишком напускной.

— Хорошо. Двигаемся дальше.

Авария, стычка с зомби В отличие от Кострова, моя интуиция всегда барахлила, однако сегодня чутьё буквально вопило, чтобы мы как можно скорее убрались от Болотного.***

— Что там? — я уже пять минут не сводила глаз с его затылка.

Не отрываясь от бинокля, он отполз вбок и постучал по траве возле себя.

— Смотри сама.

Расположив винтовку поудобнее, я прильнула к прицелу. Немного дальше подножия склона, где мы находились, раскинулся комплекс из бревенчатых домиков. Их окружал покосившийся металлический забор. На более-менее целых воротах въезда болталась табличка. Краска облезла, но надпись ещё можно было разобрать: «Охотничья база “Сибирский медведь”».

Я наблюдала ещё несколько минут. Двор был пуст и порос бурьяном. Большинство окон были на месте, некоторые выбиты, но и в тех, и в тех не горел свет. Никаких признаков стороннего присутствия.

И всё же это не означало, что там никого нет.

— Заглянем? Мы уже несколько часов идём без передышки. Да и темнеет.

Я прислушалась к своему телу. Ноги гудели от ходьбы, плечи онемели от рюкзака и оружия. Как бы не хотелось задерживаться, привал необходим.

— Там и банька должна быть, — он поиграл бровями.

— Ладно, остановимся здесь. Но перед этим проверим каждый уголок.

Сообщив по рации Глебу и Оле, мы с Костровым начали спуск. Склон был крутым и рыхлым, иногда приходилось хвататься за корни или пучки трав.

— Ты быстро согласилась. Неужели мысли обо мне в бане так тебя замотивировали?

— Ага. В красках представила, как отхлестаю тебя веником.

Нога поехала вместе с осыпающейся глиной, но мне удалось остановиться и удержать равновесие. И ровно в этот же момент Костров обернулся ко мне с одной из своих самых вызывающих улыбок:

— Зря ты сказала. Теперь и я буду *это* представлять.

Так мы и спускались под его разбушевавшиеся фантазии. Пока Костров исчезал за забором, я поравнялась с калиткой у главного хода. Обе её створки были сцеплены между собой ржавой цепью с замком. Несколько резких ударов прикладом, и замок поддался. Ещё пару секунд, и я уже была внутри.

Сначала заглянула в сторожевую будку. Как и ожидалось, там было пусто. Разве что в углу залежался мышиный помёт. Следующим был двухэтажный бревенчатый домик. Я вошла, держа оружие наготове. Пол под ногами тут же закрипел.

На первом этаже располагалась столовая. По воздуху гулял стойкий запах дерева и сырости. В углу стоял небольшой холодильник, а в центре — резной стол, на котором валялась грязная пластиковая посуда. Наверх вела узкая лестница, закрученная спиралью. Прижавшись к стене, я начала подниматься.

В двух небольших спальнях тоже никого живого. Шкафы

были распахнуты, а матрас на кровати разрезан ножом. Кажется, когда-то здесь случилась драка, но сейчас место выглядело заброшенным.

С балкона, среди густых зарослей крапивы, я заметила колодец. К нему и направилась. Спуск ведра сопровождался гулким эхом, а потом послышался глухой всплеск.

Отлично, не пересох. Я налегла на рукоять. Со скрежетом тяжёлое ведро медленно, но верно ползло вверх. На вид вода казалась кристально чистой. Я сделала глоток, тут же ощутив ледяную влагу на языке, затем сплюнула на землю. Привкуса разложения или химии не было. Повезло.

— Мы на месте, — передал спокойный голос Глеба по радиации.

— Проверяем всё и встречаемся у центрального дома. Давайте без лишнего шума.

Мы собрались вместе спустя полчаса. Оля принесла найденную аптечку. У многих таблеток истёк срок годности, но бинты и зелёнка были в порядке. Костров же откопал несколько банок тушёнки, пообещав нам шикарный горячий ужин.

Глеб снова стал молчаливым. Может, мне приснилось, что в лесу он так увлеченно говорил о семье? Он сухо сообщил, что нашел дровник, и теперь нам удастся растопить баню, чтобы помыться. При упоминании «бани» Костров перехватил мой взгляд и махнул рукой, наверняка изображая удар веника.

Идиот

— Зомби на дым всё равно, — уверенно заявила Оля, с надеждой поглядывая в сторону бани.

Я понимала её, неизвестно, когда ещё удастся смыть с себя этот вечный запах пота. Однако я опасалась вовсе не зомби. До сих пор неясно, кто растянул тех ежей на дороге. Мы изменили маршрут, но не увязались ли за нами следом? С другой стороны, уже вечерело. Жара спадала, а холод во всю пробирался под одежду.

— Пока один моется, другой дежурит у двери, — нехотя согласилась я.

Костров достал пистолет и прокрутил его на пальце, словно ковбой из старого вестерна, которые так любил отец.

— Готов стоять на страже твоей чести. А если мне повежёт, и ты забудешь полотенце, с радостью помогу.

— Каким образом, стесняюсь спросить? — со смешком вмешалась Оля.

— Героически брошусь прикрывать её своей грудью, — ответил он, словно это было самым очевидным решением в мире. — И возможно, даже зажмурюсь. Для приличия.

Он предлагал и другие гениальные способы помочь, но я не слушала. Вместо этого смотрела на небо. Ночью дым из трубы станет менее заметным. Он быстро растворится в темноте, не привлекая внимания. Это немного успокаивало.

Глава 6. Хулиганка

Анжелика

Я родилась под несчастливой звездой.

Кира уехала, а значит, можно было приходить, когда взду-
мается, и спать до полудня, а не как обычно. Но вместо того,
чтобы наслаждаться свободной жизнью, я просыпалась ров-
но за полчаса до сирены и возвращалась в комнату, когда до
отбоя ещё оставалась целая вечность. Проклятые привычки,
выдрессированные старшей сестрой.

Со вздохом я перевернулась на правый бок и уткнулась
взглядом в аккуратно заправленную постель напротив. По-
ра бы привыкнуть, что она почти всегда пустовала. Настоя-
щее чудо, если моя умница-сестра задерживалась в Бастионе
дольше, чем на пару недель подряд.

— Бесишь... — прошептала я так, будто Кира могла меня
услышать.

Лёгкий скрип пружин нарушил тишину. И вот я уже ле-
жала на её кровати, прижимая подушку к лицу. Кира всегда
была слишком правильной. Слишком талантливой, слишком
старательной, до безобразия заносчивой. Идеальный солдат.
Сердце порядка Бастиона. И моя личная головная боль.

Запах Киры наполнил лёгкие, и глаза закрылись против
воли. Она пахла чем-то холодным и строгим. И это так ей
подходило.

Напряжение стало медленно уходить из тела. Меня окутало спокойствие. Ведь несмотря ни на что, Кира была самой надёжной, самой преданной. И я до тошноты скучала по ней.

Я шла к стадиону, лениво потягиваясь. Бегать не хотелось совершенно. Воздух уже был горячим и сухим. Сегодняшнее утро, пожалуй, могло выдаться самым жарким за сезон.

Наш местный доктор наук, Сёма, как-то разложил мне всё по полочкам. Погода беснуется не только из-за вируса, но и из-за человека. Планета вздохнула с облегчением, когда мы резко прекратили свою деятельность. Да вот только этот вздох был коротким.

Без персонала атомные станции проработали ещё какое-то время на резервных генераторах. А потом мы стали свидетелями зарева на горизонте, да не одного. Прогремли взрывы. Те, кто жил рядом со станциями, получили смертельную дозу радиации, но погибли не все. Радиация и Царь-вирус спелись чудовищным образом. Излучение не убило заражённых, оно их изменило. Сломало и перекроило на таком уровне, который даже Сёма не мог объяснить.

Повезло, что хоть наш Бастион построен в глуши. Наши земли почти чистые. Но иногда к нам забредали «светлячки». Слишком милое название для этих тварей, да другого не придумали. Под их кожей, обтягивающей выступающую грудную клетку, что-то жутковато мерцало, а из их рта доносилось жужжание, похожее на треск высоковольтных про-

ВОДОВ.

— Эй, красавица!

Я заметила улыбающегося Сашку на стадионе и помахала в ответ. Как и Кира, он был командиром и старше меня на семь лет, но, в отличие от моей сестры, он не был занудой. Веселый, с мягким и вместе с тем твердым характером.

— Утречка!

Я сняла олимпийку, и бросив её на землю, присоединилась к разминке.

— Надо же, сегодня вовремя, — он многозначительно ухмыльнулся, и на его правой щеке показалась ямочка.

Я покачала головой, короткие волосы рассыпались по лицу. Когда за утренние тренировки отвечала Кира, я нередко опаздывала. Не потому что такая непунктуальная. Из принципа.

— Сегодня тринадцать, — ужасная цифра беззаботно вылетела из его рта.

Мои глаза расширились. Позавчера было десять.

— Обалдел? Хочешь, чтобы я прямо тут оставила свои лёгкие?

Саша щёлкнул меня по носу.

— Давай-давай, мелкая. — Не отворачиваясь от меня, он побежал вперёд, бросая вызов. — Потом спасибо скажешь.

— Не дождёшься! — шикнула я, переходя на бег.

Щёки загорели уже на первом круге. К третьему у меня задрожали ноги, а дыхание превратилось в какую-то хрип-

люю какофонию. На девятом я еле тащилась, а этот изверг умудрился пересечься со мной на дорожке дважды, сопровождая каждую встречу шуткой.

Когда тринадцатый круг остался позади, то я просто усе-лась на землю и жадно припала к бутылке. Вода ещё никогда не была такой вкусной.

Я вытерла лицо тыльной стороной ладони, а потом взгляд сам по себе нашёл *его*. Он появился в бастионе с месяц на-зад. Спасатели выбрали его в поле, когда он удирал от трёх тварей. С тех пор мои глаза часто останавливались на нём. Я не могла понять почему, ведь совершенно очевидно, что мы с ним разного поля ягоды.

Он быстро влился в здешнюю рутину. Без препирательств выполнял поручения, следовал правилам и всё время ходил с какой-нибудь потрёпанной книженцией. Очки и зачёсанные назад тёмные волосы делали из него ещё большего ботаника, которым, я уверена, он и являлся. Подумать только: наш мир на грани вымирания, люди грызутся друг с другом за при-пасы, всюду шныряют мутанты, а он продолжает читать. Да ещё с таким отрешённо-мечтательным выражением на лице. Довольно симпатичном лице для заучки

Он сидел на скамейке в тени и что-то сосредоточенно пи-сал в блокноте. Я кивнула в его сторону:

— Почему не тренируется и за стены не выходит? Разве у него нет иммунитета?

Саша на секунду прекратил отжимания, бросил взгляд на

писателя и вновь опустил.

— А, ты про Костяна. Ну, ты же знаешь... — с идеальной техникой он коснулся грудью земли, а потом легко поднялся на руках. — Наш генерал не из доверчивых.

О да, дедуля ещё тот параноик. Ему везде мерещились заговоры.

— Но неуязвимых всё меньше, — Саша перешёл в идеально ровную планку. *Не человек, терминатор!* — Поэтому Косте всё же придётся разок другой рискнуть шкурой.

Я невольно засмотрелась, как на спине моего наставника заиграли мышцы.

— Когда Волкова вернётся, его отправят к ней под крыльшко.

При упоминании сестры сердце ёкнуло. До меня доходили слухи о том, какой свирепой и беспощадной Кира может быть в бою. Но что, если... Нет. Никаких «если». Я запретила себе произносить это слово, когда мы впервые попали сюда, а она натянула форму. С ней всё будет в порядке. Она обязана вернуться. Кира ни за что не покинет этот мир, зная, что её непутёвая младшая сестра бродит по нему без присмотра.

Глава 7. С лёгким паром

Я стояла на балконе и вглядывалась в густую чащу на склоне, с которого мы спустились. Где-то там, за пределами леса, находился Бастион. Наш укреплённый и относительно безопасный оазис посреди пустыни, заражённой и кишачей страшными ползучими тварями.

Среди ветвей сверкнул крошечный огонёк.

Я моргнула, замерла, впившись взглядом в одну точку, однако больше ничего не было. Только шелест листьев да размеренное дыхание ночи.

— Кира! — голос снизу отвлёк меня.

Как какая-нибудь хищная птица, я нацелилась на фигуру под балконом, выискивая любые намёки на произошедшую беду. К счастью, в свете луны лицо Глеба выражало спокойную усталость.

— Иди в баню. Все уже помылись. Я посторожу, — сказал он с заботой, от которой я зябко повела плечом. Не удержавшись, снова взглянула на лес. Та короткая вспышка... показалось?

— Ничего не случится, если ты на мгновение отвлечёшься, — словно уловив мои терзания, произнёс он чуть настойчивее.

Но Глеб ошибался.

Мгновения хватило, чтобы в том метро выпотрошили

мою маму. Мгновения было достаточно, чтобы моему первому капитану перегрызли артерию. Всего мгновение понадобилось, чтобы тот, кто еще то же *мгновение* назад был товарищем, из-за малодушия решился на предательство и переметнулся к мародерам. У меня были десятки таких «мгновений», из которых можно собрать ужасную вечность.

Вздохнув, я побрела вниз.

— А где Костров и Оля?

Сквозь клубы пара у входа в баню проступила улыбка Глеба.

— Разбираются с ужином. Помоешься, и присоединимся к ним.

Рука легла на ручку, но я задержалась. Кое-что не давало покоя:

— Почему ты такой довольный?

Он неловко потёр шею.

— Просто... мы моемся, едим. Как обычные люди. Будто ничего и не было.

— Но было, — жёстко отрезала я. — И чем раньше ты это примешь, тем дольше проживёшь.

Глеб не ответил. Но смотрел с тягучей тоской, заставившей меня скрыться за дверью.

После морозного воздуха я оказалась посреди настоящего пекла. Меня окутал сухой жар, пропитанный дымом и хвоей. Источник запаха сразу нашёлся: кто-то бросил охапку еловых веток на камни.

Не мешкая, я приступила к делу. Кусочком мыла натёрла волосы и кожу, избавляясь от слоя грязи и пота. Когда пришло время смывать пену, тело подчинялось неохотно. От банных процедур движения стали какими-то ленивыми. Но я заставила себя ускориться.

Затянув волосы в пучок, вышла наружу. Глеб стоял на том же месте, закинув голову и любуясь звёздным небом. Услышав скрип, он повернулся и застыл с приоткрытым ртом.

— Что? — настороженность стала возвращаться.

— Тебе идёт, — неловко крикнул он, отводя взгляд.

— Быть чистой?

— Расслабленной, — поправил Глеб. — Эх, будь я лет на десять помоложе

Я фыркнула, но внутри и правда почувствовала лёгкость, почти забытую и кажущуюся такой чуждой.

— Говоришь, прямо как друг моего отца, — заметила я, направляясь к дому, чтобы бросить мокрые вещи и забрать рацию.

Мы уже почти дошли, как со стороны того самого чёртового склона донёсся протяжный, леденящий душу вой. Мы с Глебом замерли как вкопанные.

— Волки? — прошептал он.

Ответный вой раздался уже гораздо ближе, с совершенно другого направления — от главных ворот, — и я мрачно выдохнула:

— Люди.

Вот тебе и «спокойное мгновение».

— Бегом в дом! — скомандовала я, проклиная себя за забытую рацию. Теперь успеть бы до винтовки и предупредить остальных.

На второй этаж мы влетели, едва не снеся поручни лестницы. Я рванула к кровати, где лежала рация и оружие, бросив через плечо:

— Глеб, дверь!

По ту стороны радики уже болтал Костров.

— С лёгким паром, радость моя!

Проверяя патроны в магазине, я без лишних пояснений выдавила:

— Не знаю, кто они и сколько их.

— Понял. Где вы?

— В первом домике. Буду отслеживать сверху.

— Хорошо. Стой-стой-стой! — затараторил он, когда я уже собралась отключиться. — Ты переоделась или всё ещё в полотенце?

— У меня не было полотенца, — огрызнулась я, занимая позицию.

— Мамочки родные, ты что, голая?! — его голос стал чуть более хриплым. — Просто подожди, разберусь с этими незваными гостями и примчусь согреть!

— Идиот, — прошипела я и засунула устройство в карман.

Копошение за спиной стихло. Я обернулась. Глеб закон-

чил. И это было... Вау. Он умудрился перенести неподъёмную кровать и вклинить её в дверной проём, сделав баррикаду.

Без представлений о противнике рисковать не хотелось. Поэтому скрепя сердце пришлось достать инфракрасный прицел. Батареи к нему — на вес золота. Берегла на самый крайний случай. Он настал. Сейчас я была точно слепой котёнок.

Всего один щелчок, и картинка снаружи преобразилась, став чёрно-зелёной. Последний вой звучал довольно близко, но в прицеле по-прежнему было пусто.

«Они ведь могли обойти сзади, — пронеслось в голове. — И забраться внутрь через разбитые окна». Я затаила дыхание и прислушалась к звукам в доме.

— По людям тоже стреляешь?

Смысл вопроса не сразу пробился сквозь сосредоточенность. Я медленно сместила прицел чуть левее.

— Ты никого не убивал? Кроме зомби?

— Нет. Никогда, — твёрдо произнёс Глеб.

Было почти невозможно в это поверить. Не счесть, сколько раз за эти годы я сталкивалась с жестокостью других. Сколько раз приходилось самой брать оружие в руки и быть бездушным палачом. Выбор всегда невелик: либо ты, либо тебя. Озлобленные, отбросившие мораль люди без колебаний вырвут кишки и намотают вокруг твоей шеи, лишь бы заполнить припасы или того хуже — чтобы просто раз-

влечься.

Я спокойно пожала плечами.

— Убиваю всех, кто угрожает *моим*.

Пусть это неправильно. Пусть за каждый выстрел предстоит гореть в аду. Я готова к каре в этой жизни и во всех последующих, главное — защитить Анжелику, нынешнюю команду, даже этого клоуна Кострова.

Я проигнорировала его реакцию, полностью растворившись в наблюдении.

Наконец увидела *их*. Яркие красные силуэты на тёмном фоне. Трое крались со стороны ворот. Двое с противоположного фланга, оттуда, где через забор перебирался Костров. Палец на спуске напрягся.

— А если это свои? Люди Марка? — голос Глеба напоминал назойливое пищание комара над ухом.

Это было невозможно. Команда Марка пропала гораздо дальше отсюда.

— Кира

Я стиснула зубы. Чёрт возьми. Опустила дуло чуть ниже. Выдох. Выстрел.

Один из красных силуэтов рухнул, хватаясь за бедро. Остальные, точно тараканы, бросились в рассыпную, в укрытие.

Замечательно. Глаза закатились от досады. Теперь мы предупредили их о нашей позиции. Идеально. С другой стороны, теперь всё их внимание приковано к нашему дому. Это

давало преимущество Кострову и Оле.

Капли с мокрых волос холодными змейками скользили под футболку. По рукам пробежали мурашки — то ли от морозного воздуха, то ли от водоворота событий.

Я старалась абстрагироваться и придумать план. Чужаки усвоили урок и теперь не полезут на рожон. Будут подкрадываться окольными тропами, использовать слепые зоны. От моих снайперских навыков маловато толку. Надо разобраться с ними в ближнем бою и уходить. Вдруг у них есть ещё люди? Вызовут подкрепление, и тогда...

Внизу грохот, громоздкие шаги по лестнице. Уже через мгновение дверь затрещала под ударами. Сначала это были кулаки, затем в ход пошёл топор, методично вгрызающийся в древесину.

— Эй! — отходя от балкона к центру комнаты, я попыталась перекричать шум. — Какого хрена вам нужно?

Я вскинула автомат и прицелилась в доски, готовясь выстрелить при первой же крупной щели.

— В этот раз попаду прямиком в лоб, — пообещала я, но они лишь яростнее стали работать топором.

А потом я будто очутилась в одном из своих кошмаров, в которых не могла ничего контролировать.

Всё произошло так быстро. Вместе с тихим приземлением на балкон по спине будто прокатилась электрическая волна. Острое чувство угрозы резко развернуло меня от двери.

Это был ни то шелест, ни то свист. Глеб странно вздрог-

нул, обернулся через плечо и посмотрел на меня с недоумением.

— Кира — пробормотал он, потянувшись ко мне.

Глеб сделал шаг, но его ноги подкосились, и он свалился.

Тело среагировало раньше сознания: приклад к плечу, палец на спуск. Пуля ударила нападавшего в грудь. Он не крикнул, лишь издал хриплый, удивлённый выдох. Его отбросило назад, он перевалился через перила и исчез в темноте.

Стуки за дверью внезапно прекратились.

Они что, играли с нами, как кошка с мышью?

Я бросилась к напарнику, сразу заметив торчащий из его плеча дротик с алым оперением. Перевернула Глеба на спину. Пальцы нашли пульс на шее: редкий, но чёткий. Дыхание было поверхностным, и всё же ровным. Руки и ноги напоминали желе. Похоже, транквилизатор. Сильный. Нужно к Оле.

А снаружи по-прежнему рыскали чужаки. Глеб превратился в овощ. Точнее, в тяжеленный мешок с овощами. Значит, путь только один — зачистить территорию.

С трудом, пыхтя, я оттащила его подальше от окна и балкона. Его губы всё время шевелились, и сквозь них прорывались стоны. Он упорно пытался что-то произнести.

— Скоро вернусь, — успокоила я, ощутив слабое прикосновение пальцев к запястью.

— Негоже мне тут а ты там — еле-еле выдавил он, и в этих спутанных словах было столько доброты, которая совсем не вязалась с его мрачным образом к которому мы все в Басти-

оне привыкли.

Я положила оружие рядом с его неподвижной рукой.

— Всё нормально, танк. Ещё настреляешься и нагеройствуешься. А пока сторожи мою винтовку.

Я убедилась, что вокруг балкона никого нет, и осторожно перелезла через перила. Нащупав ногой выступ в стене, начала спуск.

Глава 8. Покайся, прими, умри

Марк

— Ну я и полез, — рвано выдохнул Денис, сгибая руки в локтях. Ему только что хорошенько наподдали, но вместо того, чтобы зализывать раны, он вздумал отжиматься. Словно боли от синяков и ссадин было недостаточно, и ему хотелось добавить ещё и боли в мышцах.

Пружинны впились в копчик, пока я сидел на койке, пытаясь продеть нитку в иглу. Форму на осень выдали недавно, новую ждать только к следующему учебному году, а того и дальше.

— Да ладно тебе, похожу оборванцем, не страшно, — беспечно заявил он и тут же зашипел: из разбитой губы вновь пошла кровь.

— С оторванным карманом пойдёшь в школу только через мой труп, усёк? — буркнул я, завязывая узел.

— Не говори про свою смерть. Никогда.

В нём не осталось и следа веселья. Оторвавшись от нитки, я взглянул на напряженное лицо друга и медленно кивнул.

— Хорошо.

— Вот и отличненько! — Денис хлопнул в ладоши, и маска шута вновь вернулась на место.

Он закончил упражняться и уселся рядом, внимательно наблюдая за тем, как я пришиваю его карман.

— У тебя ловко выходит. Может, после девятого рванём на швею учиться?

Я улыбнулся.

— Ерунду не носи. Поступим в математический. Ну или на информатиков.

— Точно. А потом взломаем какой-нибудь банк и заживём припеваючи. Шучу-шучу, — добавил он, когда я возмущённо нахмурился.

— Сначала драки, теперь разговоры про грабёж. Мне пора переживать или учиться сушить сухари?

Денис закатил глаза:

— Они опять приставали к Тёмычу. Четверо на одного, что, прикажешь стоять и делать ставки?

Это меня смягчило.

— Ты молодец, — искренне похвалил я. — На, держи.

Я откусил нитку зубами. Денис просиял.

— Ты лучший, — он с силой хлопнул меня по плечу, и тело пронзила резкая боль

...Боль.

— Марк!

В нос ударил смрад: фекалии, сырость и разложение. В ушах звенело. Навязчиво. Высоко.

Когда зрение пришло в норму, я огляделся и сразу же нашёл того, кто звал меня. Лёха. Его приковали к стене в другой части комнаты.

— Слава богу, думал, ты откинулся, — его грудь затряс-

лась в беззвучном, истеричном смехе.

Узкое, всегда такое выразительное лицо теперь было едва узнаваемо под слоями грязи, синяков и запёкшейся крови. Я не помнил, чтобы его били. Не помнил, как мы оказались в этом подвале, тюрьме, сарае?

— Сколько я провёл в отключке? — Поморщился. Звучал так, будто наконец поддался уговорам Дениса и горланил песни до утра у костра.

— Два дня.

Два дня. Меньше, чем бывало.

Я не успел как следует подумать об этом, как мерзкий, знакомый до тошноты шепоток прокрался в сознание.

«Привет, привет, привет», — захихикал тот самый внутренний демон, с которым мы провели полжизни, исходяв вдоль и поперёк кабинеты неврологов, психологов и психиатров. Я был уверен, что он сгинул, когда мир полетел в тартарары. Посчитал, что он нашёл себе развлечение поинтереснее. И вот теперь я вновь слышал его.

Я до крови прикусил внутреннюю сторону щеки. Горячая солёная жидкость наполнила рот, хотя бы немного смочив. Попытка пошевелиться принесла болезненное натяжение за спиной. Они связали мне руки, но, в отличие от Лёхи, не приковали.

Это был наш шанс.

Собравшись и крепко сцепив пальцы, я стал проделывать то, что Волкова вбивала в нас едва ли не на каждой третьей

тренировке. Многие бесились тогда и ворчали: «Где это вообще может пригодиться?»

Теперь у меня был ответ: в холодном вонючем бункере, когда ты обездвижен.

Суставы скрипели, протестуя против такого скручивания. Мои собственные руки превратились в скакалку, которую нужно было провести под ногами и телом, чтобы в итоге вернуть их на место. Сантиметр за сантиметром. Вспышка неприятного чувства за вспышкой.

Тяжело дыша, потея, я делал то, что умел. Лёха же словами, словно заплатками на дырявых штанах, негромко и сбивчиво латал дыры в моей голове.

— От того дома везли недолго. Значит, мы всё ещё где-то под Кемерово. В какой-то заброшенной школе, — он смотрел в пустоту перед собой, будто вновь переживал тот кошмар. — Слушай, Марк, они ёбанные психи. В спортзале... они устроили там арену. Из клеток. Запихивают туда людей, а потом запускают *их*.

Лёха замолчал, а потом я услышал, как он шумно выдохнул.

— Если ты слишком резвый, слишком боевой, они привязывают к прутьям и смотрят, как твари... как они... — его голос сорвался. — Ещё шепчут какую-то бредятину. Молитвы свои ебучие...

Я застыл, переваривая услышанное. Звучало дико. И сквозь весь этот ужас в мыслях вдруг появился иной образ.

В порванной одежде с дрожащими маленькими-маленькими ручонками.

— Девочка. Что с девочкой?

На подходе к Кемерово к нам на трассу выбежал ребёнок. В белом платье. Худая, вся в синяках, с лихорадочным блеском в огромных синих-синих глазах. Чистая, не заражённая. Умоляла помочь, рыдала, хотела к маме. Такое не сыграть, думалось мне. *Верилось*.

Кира никогда бы не купилась. Ни на слёзы, ни на мольбы. Но я не Кира. Всего лишь Марк, который когда-то тоже очень хотел к маме. А может быть, хочю и сейчас?

— А, эта маленькая лгунья, — процедил Лёха. — Она и завела нас в засаду. Приманка. Видел шрам у них? Круг с ломаными линиями внутри? Здесь у всех такие.

Пальцы поползли по бедру, отыскивая под тканью знакомый контур лезвия: всегда приматывал его. И в этот момент Лёха зашептал не своим голосом. От его страха стало не по себе.

— Марк, не хочу умирать вот так. Как Слава и Сёмка.

Собственная никчемность легла на грудь бетонной плитой.

«Слабак, слабак, слабак», — довольно заурчал демон внутри, откусывая от моей души огромные куски.

— Мы выберемся, — выдавил я.

Выберемся. Или демон сожрёт меня ещё до того, как зомби доберутся до моей плоти.

«Сожрёт, сожрёт, сожрёт», — эхом прозвучало тоненькое хихиканье в ушах.

Глава 9. Старина Гиппократ

Улыбка приклеилась к губам. Но из глаз ушло веселье, оставляя место лишь холодной собранности.

— Что будем делать? — Оля с тоской развела руками над нашим «праздничным» столом, уставленным открытыми консервами.

— Ты запрёшь за мной двери, забьёшься в дальний угол и будешь мышкой. Тихой-тихой. Поняла?

Она поджала губы и неуверенно кивнула. Прежде чем выйти, я на всякий случай повторил:

— В этот раз послушайся, ладно? Если я сказал прятаться — значит, прячешься. Без вариантов.

— Костров, мне страшно, — медсестра, видевшая сотни смертей, сжала край моей куртки, словно маленький ребёнок.

— Да брось, — я накрыл ладонью её дрожащие пальцы. — Волчица уже, наверное, всех перегрызла. Я просто проверю. Даже соскучиться не успеешь.

— Будь осторожнее.

— Ты же меня знаешь.

— Вот именно, — сухо ответила она, ослабляя хватку. — Думаешь, не заметно, как ты тащишься по всему этому? Вечно бросаешься в самое пекло.

«Адреналиновый наркоман», — эхом отозвались в памя-

ти слова Марка.

Я и правда подсел на это чувство, когда кровь в венах стынет, сердце бьётся так, что вот-вот пробьёт грудную клетку, а ты берёшь и в очередной раз ускользаешь из костлявых рук смерти. И тогда ты понимаешь: раз уж не сдох, значит, этот грёбанный мир всё ещё в тебе нуждается. Даже если всё, что ты можешь, — это хреново шутить.

Я беззвучно усмехнулся и перешагнул порог.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Я остался снаружи. Один на один с гробовой тишиной, которую не переваривал.

До дома, где затаились Кира с Глебом, оставалось пройти мимо двух таких же. Я двигался не с фасада, петляя между разросшимися кустами и старым хламом. Свет луны пробибался сквозь набежавшие тёмные облака и отбрасывал длинные рваные тени.

Я не встретил ни одного следа гостей. «Неужели она и правда уже со всеми разобралась?» — в этой мысли смешались и облегчение, и лёгкая досада.

Последний забор. В разбитом окне не было ничего, кроме темноты. Поставив ногу на подоконник, я почти залез внутрь, как меня с силой отшвырнули назад. Жесткая ладонь врезалась в грудь, пригвоздив к стене, у горла мгновенно застыло лезвие.

— Дёрнешься, и ты покойник, — прозвучал низкий голос.

От её спокойствия по коже пошли мурашки. Не страха, чего-то гораздо более острого. Я позволил телу обмякнуть в

её хватке, демонстрируя полную покорность.

— Может, запишешь мне на диктофон парочку угроз? Вечно бы слушал, — рискнул выдохнуть, за что тут же получил тычок рукоятью ножа прямоком в солнечное сплетение.

Я хрипло простонал, но не отвёл глаз, наслаждаясь моментом.

Кира всё ещё держала меня у стены, и исходящие от неё жар и напряжение были почти невыносимы. Бедро прижималось к бедру, грудь — в грудь, так близко, что каждый вздох перестал принадлежать только мне, а стал чем-то общим с ней.

— Я чуть не перерезала тебе глотку, придурок.

Темнота не спрятала, как расширились её зрачки и дрогнули губы.

— Умереть из-за тебя, не так уж и плохо.

Она отпрянула.

— У нас нет времени на бессмысленный флирт

На секунду я позволил радости затопить себя. Она назвала это флиртом.

— ... Глеба ранили, — продолжала Кира, и мне пришлось начать думать головой. — Я убрала одного, но другие где-то здесь. Найдём их.

Странное дело, база была пуста. Волчица не сдавалась, прочесала каждый метр, закоулок, но все просто испарились. Её кулаки сжимались от злости, на лице читалась ярость хищницы, упустившей добычу. Будь она одна, наверняка уже

рванула бы в лес, чтобы выследить и выбить ответы из кого придётся.

Когда я привёл Олю и помог ей забраться на балкон (оказалось, дверь была наглухо забаррикадирована изнутри), мы с Кирой подошли к тому, кого она успела подстрелить. И тогда вопросов только прибавилось.

Его карманы были пусты, ни безделушки, ни клочка бумажки. На одежде тоже не обнаружилось какой-либо нашивки. Я приподнял его футболку, посветил фонариком и на бледной коже живота наткнулся на шрам. Давно заживший и будто намеренно выведенный в виде чёткого узора.

Кира резко выдохнула. На её лице проступило узнавание.

— Что?

— Я уже видела этот знак. У того зомби в лесу.

— Да быть не может, — пробормотал я, проводя пальцем по рельефу рисунка. — Что это вообще такое?

Я светил под разными углами, наклонял голову, пытаюсь поймать смысл в этих ломаных линиях.

— Кажется, солнце? — неуверенно предположила она.

Теперь, когда она это сказала, я и правда начал различать в этом узоре солнце. Лучи были не прямыми, а зубчатыми, и все они были обращены внутрь, будто целились сами в себя.

М-да, даже детсадовец нарисовал бы что-нибудь помилее.

Оторваться от этого неправильного объекта не получалось. Мысли в голове закопошились, загудели. Перед глазами вспышками замигали картинки. Обрывки чего-то далё-

кого.

Белый цвет. Сверху. Под ногами. Сбоку. Над головой. Давящий, уродливый океан белого.

Не пошевелиться. Не сфокусироваться. Пока наконец в этой тревожной стерильной чистоте не вспыхнули лучи. Золотые с красным. Красные с золотым. Будто взрывы на солнце.

Солнце.

Но другое.

— Денис?

Голос Киры добрался сквозь наваждение. Я уже какое-то время не дышал. Меня колотило изнутри, как при лихорадке.

— Денис? — повторила Кира с совершенно новым для меня звучанием.

Я нервно хихикнул, пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля:

— Не «придурак» и не «идиот»? Вау, я почти польщён.

— Что с тобой? — Она сканировала моё лицо с солдатской подозрительностью и совсем немного с тревогой.

Галлюцинирую.

— А что со мной? — Я отмахнулся. — Просто задумался, что может значить эта хрень. Надо же как-то поддерживать репутацию гения.

Она не поверила в эту ложь, но требовать более внятных ответов не стала. Сделала какие-то свои выводы и просто

молча стояла рядом, пока я курил.

С балкона выглянула Оля с абсолютно не радужным вердиктом:

— Пробудет в отключке от двух до двенадцати часов. Доза приличная, раз свалило такого здоровяка. Я перевернула его на бок, если начнётся рвота. Надо контролировать.

— Ясно, — невозмутимо отреагировала волчица. — Можно чем-то ослабить действие?

— Если только холодной водой. Смочу ткань, приложу ко лбу и на запястья. Встряхнёт нервную систему. Но это всё. Только ждать.

Кира развернулась и пошла к колодцу. Я поплёлся за ней, отчаянно цепляясь за эту бытовую задачу. Лучше таскать воду, чем видеть кошмары наяву и превращаться в психа.

— Эй, Волчица! — Я ускорил шаг, догоняя её. — Дай мне.

Моя рука накрыла маленькие пальцы на ручке ведра. Я потянул вещицу на себя, ощутив, как напряглись мышцы её предплечья. Кира коротко вздохнула и отпустила железную рукоять.

— Ага, — я шутливо фыркнул. — Значит, в твоём вкусе всё-таки рыцари, да?

— Нет ничего рыцарского в том, чтобы набрать воду, Костров, — строго произнесла она.

И чёрт возьми, я был готов боготворить эту непробиваемую серьёзность. Сейчас только она могла удержать меня от всего: ошибок, хаоса и *белого-белого океана*.

Все эти байки про то, что она — машина, не знающая ни усталости, ни страха, всегда меня забавляли. Хотя, честно говоря, в них легко поверить, когда после ночного дежурства она поднимала нас в путь, едва Глеб успевает продрать глаза. Тот лишь смущённо пробормотал что-то вроде извинения, словно это он сам вогнал в себя дротик, прямо как сумасшедший любитель фильмов про индейцев.

Мы шли в угрюмом настроении. Наверное, у нормальных людей и не может быть иного душевного состояния, когда двадцать четыре на семь приходится ждать удара в спину. А я чувствовал себя на удивление бодро. Ни-ка-ких чудных картинок перед глазами.

Асфальтированная дорога, в которую мы упёрлись, тянулась серой потрескавшейся лентой, поросшей по краям густой травой. Я поравнялся с покосившейся табличкой, стёр с неё слой грязи и с лёгкой ухмылкой постучал по цифре: до города оставалось тридцать километров.

Глеб, как верный пёс, следовал за Кирой, иногда о чём-то тихо спрашивая. И — о чудо! — она отвечала. Похоже, они неплохо поладили за время нашего путешествия с рюкзаками. Рядом друг с другом они смотрелись неловко и комично, и в тот же миг их странное взаимодействие казалось самым мирным из того, что случалось с нами за последнюю неделю.

— Смотрите! — Оля указала на разбитый «Икарус», когда-то давно съехавший с обочины. Сквозь заросли бурья-

на мы увидели её. В распахнутой двери автобуса, на ржавых ступенях, сидела девочка с чумазым лицом и неестественно белыми бантами в золотистых волосах. Она прижимала к груди одноглазого плюшевого мишку, а её плечи мелко подрагивали.

— Не останавливаться, — скомандовала Кира. Её слова мгновенно вызвали возмущение у медсестры.

— Там же ребёнок! — она произнесла это со смесью ужаса и жалости. — Мы не можем сделать вид, что не заметили её.

— Можем, — холодно парировала волчица, не отрываясь от виновницы спора. Её пальцы сжали автомат. — У неё целая одежда. На ней ни царапины. И она не выглядит так, будто голодала. Часто ли ты встречала таких удачливых детей?

— Её могли бросить. А она просто хорошо прячется, — настаивала Оля.

И будто чувствуя уязвимость Оли и этот разлад в наших рядах, девочка соскользнула со ступенек и юркнула в высокую траву. Её голосок, нарочито жалобный и звонкий, донёсся до нас через секунду:

— Помогите! Мне так страшно

Оля порывисто дёрнулась, почти сорвавшись с места, но Кира удержала её за локоть.

— Я сказала «нет».

— А мне плевать! — выдохнула Оля. — Я давала клятву.

— Вряд ли старина Гиппократ придумывал её для условий зомби-апокалипсиса. — Мою шутку не оценили.

Щёки медсестры запылали. Она вырвала руку, но не сделала шага. А девочка в траве замолкла, будто кто-то отключил звук.

В застывшем воздухе стало слышно шуршание по обе стороны дороги.

— Сомневаюсь, что это ветер, — только и успел сказать я.

Глава 10. Грех старого мира

Эти проклятые дротики.

Я успела уложить двоих, прежде чем попали в Олю. Напавшим на нас не было конца. Как полчища крыс. Вот только не бегущих с корабля, а захватывающих его. Они лезли отовсюду: из травы, спереди, сзади. Я просто не успевала разворачиваться и зажимать крючок.

— Вот же срань! — прошипел Костров, с силой выдергивая дротик из рюкзака, которым изловчился прикрыться в последний миг.

Оля выбыла. Глебу ещё одна порция снотворного была противопоказана. В нас с Денисом тоже вот-вот попадут, поэтому я сделала единственное, что могло хоть как-то помочь.

Я сбросила винтовку и медленно, чтобы они успели всё увидеть и понять, подняла ладони.

— Мы сдаёмся.

Всё во мне противилось этому решению. С глухими ругательствами Костров повторил за мной, а затем и Глеб. Оружие глухо стукнулось о землю, и тогда к нам вышли все. На ком-то были плащи, из-за которых казалось, будто к нам плыли чёрные тени. Те же, кто под плащом не прятался, скрывались за обезличивающими мазками густой белой краски на лице.

— Свяжите их. И мешки на голову. — Голос говоривше-

го был странно мелодичным, возвышенным. Обычно таким читают проповеди, а не отдают приказы.

Пришлось подчиниться. Последним, что мелькнуло в поле зрения перед тем, как грубая ткань поглотила свет, был выжженный знак на плече одного из них — то самое солнце с кривыми, направленными внутрь себя лучами.

Нас погрузили в машины. Означало ли это, что мы попали в руки не просто кучке странных людей, а хорошо организованной группе?

Я пыталась отсчитывать минуты, но под монотонную тряску время растягивалось и путалось. Наконец нас вытащили наружу и повели дальше. Несколько резких поворотов, отрывистые команды, твердая поверхность под ногами. Потом жара сменилась прохладой: мы оказались внутри чего-то. Дома, завода, магазина — пока неясно.

Напрягая слух, я пыталась выхватить любую информацию, которая подсказала бы, где мы. Но наши пленители сохраняли тишину. Я принялась. Пахло потом, чем-то кислым и едким дымом. Может быть, они что-то жгли, чтобы освещать помещение?

Пятнадцать ступеней вниз. С меня сорвали мешок, а перед глазами всё тот же непроницаемый мрак. Ничего не объяснив, нас втолкнули вперёд. Щёку обожгло от столкновения с полом. За спиной дверь со стуком захлопнулась, оставив нас одних

Поморщившись, я села.

— Когда я бывал в детских лагерях, то всегда боялся провалиться в дырку уличного туалета, — слева раздался голос Кострова. — Похоже, мой страх номер один сбылся. Здесь дерьмово пахнет.

— Мягко сказано, — отозвался Глеб.

Нелепо, конечно, но мы трое не сдержали дружного нервного смешка.

— Думаешь, это они проткнули нам шины?

— Возможно, — ответила я Кострову, не испытывая особой уверенности. — Вас связали?

— Нет, — хором произнесли они.

Я кивнула, забыв, что меня не видно.

Итак, кто нас поймал? Куда увели Олю? Что собирались делать?

Сколько бы не прокручивала в голове детали, ни одна из них ситуации не прояснила.

По ощущениям, прошло больше часа. Глаза понемногу свыклись с чернотой и стали выхватывать расплывчатые очертания окружающих предметов. А может, зрение попросту обманывало меня. Однако в углу точно стояло что-то высокое. Когда я подошла ближе, поняла, что это был стеллаж, заставленный книгами.

— Ауч!

— Что?

— Я задел полку, и мне на голову свалился баскетбольный

меч. — Денис закопошился. — Да тут целый спортивный набор: скакалки, гири

— А рядом со мной обручи, — добавил Глеб.

— Наверное, нас держат в подсобке школы или колледжа, — заключила я.

Эти знания мало что меняли в нашем положении, и всё же дарили хотя бы призрачную иллюзию контроля.

Вдруг пространство осветила яркая вспышка. Я зажмурилась и закрылась рукой, чтобы отгородиться от света, но меня грубо потянули вперёд. Двое крепких мужчин схватили под локти и почти понесли по коридору.

Что ж, мы и правда находились в бывшем учебном заведении: длинные коридоры с кабинетами, на стенах выцветшие рисунки с персонажами из мультиков, которые сейчас смотрелись особенно жутко. Я пыталась оглянуться, чтобы поймать взгляд Дениса или Глеба, но один из проводников подталкивал в спину, а другой тянул за собой.

Когда я заметила, что парней уводят в ином направлении, во мне прибавилось сил.

— Эй! — я уперлась ногами в пол, отказывалась идти дальше. — Тронете их, и я разнесу вашу берлогу к чёртовой матери.

Обещание эхом повисло в этих пустых, безжизненных коридорах, ничуть не напугав мужчин.

Меня привели в кабинет и с силой усадили на стул, придвинутый к учительскому столу.

Верёвки впились в запястья. Я дёрнула руками на пробу и мысленно вздохнула с облегчением: затянута крепко, но всё же по-любительски. Узел можно было ослабить.

«Терпение, Кира, — пронеслось в голове. — Дождись главного, пойми, с кем имеешь дело, а уж потом действуй».

Я сделала медленный, глубокий вдох, успокаивая пульс, и стала изучать стены. Помещение напоминало типичный кабинет истории: всюду висели плакаты с важными датами или портреты выдающихся личностей. Вот только многое из этого было старательно испорчено. Екатерине II искололи лицо, а поверх всех карт фломастерами нанесли бредовые лозунги: «Грех», «Отринь прошлое, чтобы перейти в будущее», «Вирус — бож...».

Дочитать не получилось.

Вместе с появлением этого мужчины в кабинет шагнул и запах лаванды. Так пахло свежее постельное бельё, чистое тело после расслабляющей ванны и уют. Но, глядя на этого человека, тёплые воспоминания тускнели. Что-то копошилось там, на дне его глаз: тёмное, тревожное, нечто такое, что не отмыть ни одним мылом.

На нём была мешковатая льняная рубаша, грубого покроя и доходившая почти до пят. Простой и скудный образ. Однако в его осанке, в том, как он себя держал, не было ничего простого.

В руках он держал длинную палку, изогнутую с одной стороны. Я видела похожий у пастухов, когда гостила у бабушки

в деревне. Дед Иван цеплял им овцу, когда та отбивалась от стада. Сильным, отточенным движением он притягивал блеющее животное к себе. Для него это был инструмент. Для того, кто сидел передо мной, это было чем-то большим.

И словно в подтверждение моих самых тревожных ассоциаций, он заговорил про животных.

— Тебе доводилось видеть раненого ягнёнка? Он становится мишенью номер один. Мухи откладывают в его ране личинки, хищники за версту чувят запах крови и начинают охоту, а его сородичи, напротив, стремятся уйти подальше. Знаешь почему? Потому что он несёт только смерть. А они, как и всё в этом мире, хотят жить.

Сначала казалось, собственная история забавляла его. Но с каждой новой фразой мне хотелось отодвинуться от стола. Его голос облачался в дрожь восторга, ненормальной эйфории.

— Невинный и маленький. Виновный лишь в том, что ему повезло меньше других. Бедный ягнёнок. Таков естественный порядок, такова воля Бога, не так ли? Слабые умирают, сильные процветают. Но что, если ягнёнок отказывается принять Божью волю? Что, если он цепляется за жизнь, которой не достоин? И такие, как он, *испорченные*, множатся. Испорченные ягнята заражают здоровых. А здоровые не могут войти в новый мир, что уготовил им Господь.

Стул скрипнул ножками по деревянному полу. Мужчина подошел ко мне, скрестил руки за спиной и наклонился к

моему лицу.

— И тогда Господь создал пастуха. Чтобы тот чистил стадо, вёл его. Неуязвимые, — он с ненавистью выплюнул эти слова. — Вы те самые ягнята. Из-за вас эта чума не заканчивается. Из-за вас мы все в опасности.

Плохо. Очень плохо. Нас схватили не мародёры, а самые настоящие религиозные фанатики. Достучаться или договориться с такими невозможно. Особенно когда ты — живое олицетворение того, против чего они молятся.

Его горячее дыхание опалило шею, он прижался губами к моему уху.

— Не бойся, ягнёнок. Я избавлю тебя от твоей дурной сущности.

Я впилась ногтями в ладони, заставляя себя сидеть неподвижно. Лишний вздох, любое проявление страха могли лишь раззадорить этого «пастуха».

— Каким образом?

Вопрос обрадовал его. Длинные пальцы ласково коснулись моей макушки, погладили, спустились к затылку, захватили пряди и резко сжали. Натяжение заставило меня откинуть голову назад и вновь посмотреть ему в глаза.

— О, это будет великолепно, — прошептал он, задыхаясь от восторга. — Ты будешь страдать. И эти страдания искупят грех старого мира.

Глава 11. С корабля на школьный бал

Нас втолкнули в тускло освещенный коридор, напоминающий зеркальный лабиринт в комнате страха. Только здесь отражаться было нечему. Вместо зеркал стены, сколоченные на скорую руку из досок. В темноте в щелях проступали силуэты. Вряд ли они принадлежали аниматорам.

Почувяв свежую плоть, что-то по ту сторону оживилось и начало биться о перегородки, скрести по дереву когтями.

— Весёлые у них тут аттракционы, — пробормотал я.

Рычание слилось в оглушительный гул. Стало очевидно, кто именно находится с нами в одном помещении, и что мы как торт на празднике для озлобленных, голодных и доведенных до отчаяния зомби. *Супер.*

Чем дальше мы продвигались, тем более хлипкими казались сооружения. Доски трескали под напором, и я мысленно представлял, как они сейчас разлетятся в щепки.

Не понимаю, как эти парни в плащах смогли привести сюда тварей?

Глеба дёргалось от каждого удара, у меня самого нервы были на пределе. Но больше всего бесило то, что нас разделили. Что, если прямо сейчас Кира и Оля шли по канату над ямой, полной зомби, или перетягивали с ними всё тот же канат?

Кто знает, что эти ублюдки подготовили для них.

Я заметил шевеление. Что-то костлявое и в лохмотьях выскользнуло через промежуток между полом и нижней доской. Ацетоновый запах ударил в нос прежде, чем я сообразил, что к чему.

У твари отсутствовали ноги, но её длинные руки, цепляясь за пол и упорно подтягивали тело вперёд. Что ж, она точно не считала себя самураем, потому что в отличие от этих ребят с мечами, у которых был только путь, у неё была цель.
Мы.

Окинув взглядом пространство, я кивнул на расшатанную доску рядом с головой Глеба. Он не заставил себя ждать, со всей силы рванул её на себя. Не сразу, но та поддалась напору.

В этот момент к моему ботинку вплотную подползли, однако Глеб оборвал попытку откусить мне стопу, всадив в темя зомби рваный конец доски с ржавым гвоздём.

Её тело изогнулось в последней судороге и затихло. Однако вскрик, вырвавшийся из её глотки в предсмертной агонии, послужил сигналом для других. Треск, рёв, нечеловеческое верещание — вся эта какофония звуков нещадно полилась нам в уши.

— Пошли, — я толкнул Глеба в спину. — И дай-ка мне нашу палочку-выручалочку.

Больше никакой осторожности. Мы неслись в другой конец коридора, уповая на то, что там нас не встретит тупик.

Поразительно, но именно он нас и ждал. Заколоченная крест-накрест обшарпанная дверь вместо выхода.

Ну конечно, куда ж без этого.

Не сговариваясь, мы бросились отдирать доски. Некоторые легко покидали своё место, другие словно вросли в косяк. Кажется, я даже посадил несколько заноз, пытаюсь очистить нам путь. А гул за спиной всё нарастал. Меня так и подмывало обернуться и посмотреть, насколько близко возможный конец подкрался на этот раз.

Одна из стен позади не выдержала. В образовавшийся пролом в коридор хлынул поток из тварей.

Глеб не переставал сыпать проклятиями. Оказывается, он знал много грязных слов. Вероятно, поэтому большую часть времени молчал. Вены на его руках и шее вздулись, и я все-рьёз стал переживать, как бы какая-нибудь из них не лопнула.

— Попробую задержать, — я шагнул от двери. — Поторопись.

Глеб с удвоенной силой взялся за дело.

Они неслись, мешая друг другу и топча тех, кто падал, но общей массы это не замедляло. Я выставил свою доску, и почти сразу в другой её конец с напором врезался первый бегун. Он тянул руки, не двигаясь с места. Тогда я размахнулся оружием и ударил его. Он отлетел, свалившись на спину и увлекая за собой ещё нескольких.

Коридор наполнил победный рёв Глеба и хруст дерева.

Доска наконец уступила его силе.

— Бегом! — крикнул он.

И мы кубарем ввалились в тёмный проём.

Пока Глеб, тяжело дыша, подпирал дверь спиной, я просто осел на пол. Агрессия и страх вибрировали под кожей, ища выхода.

Школьный класс. Вот где мы очутились. Ровные ряды парт уходили к большой зелёной доске, исписанной формулами и уравнениями, ничего не значившими сейчас.

— Что за хрень, — прохрипел Глеб, вытирая пот со лба.

Это нельзя было назвать кошмаром, ведь даже в самом страшном сне мой мозг не выдумал бы подобного. Чистое сумасшествие.

Четверо. У каждого по ошейнику, от которого к ножке тянулась толстая цепь. Они сидели так смиренно, что по ошибке их и впрямь можно было принять за старательных учеников.

Мощный удар по обратную сторону двери напомнил, что мы всё ещё в опасности.

— Надо искать выход, — сквозь стиснутые зубы прорычал Глеб, вжимаясь лопатками в поверхность.

И я был чертовски согласен, но не мог оторваться от картины перед собой. Цепь на шее ближайшего к нам зомби звякнула, когда он медленно повернул голову и уставился на меня.

В висках застучало. Господь всемогущий, да он же и правда ребёнок.

Он был не просто изможденным. Он был высохшим, как мумия, облаченная в рваную школьную форму.

— Для чего их здесь усадили? — в голосе Глеба звучал тот же шок, что одолевал и меня.

Маленькая ручка с тонкими пальцами бессильно скребла по столешнице, пока мутные глазки зомби-ученика перебежали от моего лица к напарнику и обратно.

— Ну уж точно не для внеклассного занятия, — сипло отозвался я после того, как с трудом проглотил ком в горле.

Всё это выглядело уж слишком вычурно. И, скорее всего, это подготовили специально для нас. Идеальная психологическая атака, после которой желание отыскать Киру с Олей возросло в геометрической прогрессии.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА 78

ДЛЯ: Генерала Михайленко

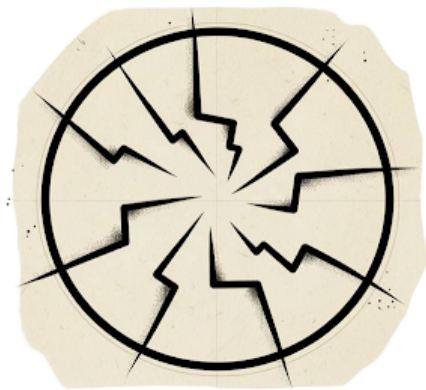
ОТ: Капитана разведгруппы «Вороны»

Генерал, согласно последним данным, во многих секторах стали находить неизвестную символику. Знак наносится на здания, а в ряде случаев — на тела погибших, что может указывать на ритуальный характер.

В настоящее время установить точное значение символа и принадлежность группировки не представляется возможным. Отсутствуют какие-либо попытки выйти на прямой контакт. Их тактика, цели и численность — неизвестны.

Постараемся выяснить больше при следующем выходе.

Рисунок знака прилагаю к отчёту.



за три недели до текущих событий

Глава 12. Ягнёнок

Часовая стрелка за спиной фанатичного пастуха дрожала на цифре девять. Ломанное тиканье нерабочего устройства совпадало с ритмом моего пульса.

От его хватки кожа головы немела. Я спросила о напарниках, и ненормальный сильнее намотал мои волосы на кулак, посмеиваясь из-за того, что я невольно поморщилась от неприятного натяжения.

— Скоро встретишься с друзьями, ягненок. Если, конечно, они отыщут верный путь из моего лабиринта.

Я запретила себе думать о том, что это за лабиринт и какие именно неприятности могли ждать в нём парней. Меня распирало от желания врезать ему, но я старалась быть вежливой.

— Вы уверены, что можете очистить мир от неуязвимых. У вас и правда много последователей?

Пальцами он впился в мои щёки. Лавандовый запах, исходивший от его одежды и кожи, стал до тошноты терпким.

— А ты у нас умница, да? Может, я ещё должен предоставить тебе планы и полную сводку о численности своих людей? — он перешёл на злой шёпот. — Не играй в умного ягнёнка. Потому что пастух всегда умнее.

Выяснить что-то большее, похоже, не получится. Глубоко вдохнув, я с ухмылкой бросила ему в лицо:

— Слышал сказку про волка в овечьей шкуре?

Он не успел ответить. Мой лоб столкнулся с его переносицей.

Сдавленно ахнув, фанатик отшатнулся, разжав пальцы. Когда он коснулся носа, алые капли окрасили его пальцы. Он смотрел на них с немym изумлением.

Я не стала ждать, пока шок сменится гневом, и изо всех сил пнула его в живот. Он отлетел к столу, а я, не сумев удержать равновесие, с грохотом повалилась на спину вместе со стулом.

Пока этот помешанный бормотал свои проповеди, я незаметно работала запястьями, ослабляя путы. Дёрнувшись до хруста в позвонках, наконец удалось высвободить одну руку, потом другую. Подскочив к его палке, я крепко ухватилась за шершавое тяжёлое дерево.

Как раз вовремя. Пастух уже поднимался на колени. Рот был перекошен от гнева, а из его глаз сыпались искры. Страха внутри меня не было. Я без зазрения совести использовала его же оружие.

Он затих, а я, стараясь не шуметь, подошла к двери, открыла её и прислушалась к звукам в коридоре. В метрах десяти, возле подоконника, стояли двое. Те, кто привёл меня сюда. Рослые, широкоплечие и сильные. Я отпрянула от входа, лихорадочно осматриваясь. Нужен был отвлекающий маневр. И быстро.

В углу кабинета стоял старый шкаф. На его полках пыли-

лись глобус, свернутые в рулоны плакаты и кипы книг. Но на самом верху обнаружилась ваза из синего стекла с длинным узким горлышком.

Я пересекла кабинет, пододвинула стул, забрала предмет и вновь вернулась к двери, приоткрыв её. Вжавшись в стену, я позволила себе три вдоха.

Один.

Два.

Три

Ваза полетела на пол.

Звон стекла мгновенно приманил надзирателей. Когда из проёма показалась первая тень, я не колебалась. Но, в отличие от пастуха, голова этого оказалась крепче. Держась за затылок, он оставался на ногах.

С низким рыком он развернулся и тогда заметил тело лидера, распростертое вдоль ножек стола. Его лицо исказила ненависть. Неприкрытая, жгучая, та, что способна снести всё на своём пути.

Он кинулся на меня. Я едва успела отпрыгнуть в сторону и перекатиться через плечо. Во внутреннюю сторону ладони воткнулся осколок. Выдрала не глядя и встала в стойку, сжимая его в окровавленной руке. Я была готова отбиваться и атаковать.

Пока следила за первым, сзади бесшумно возник второй. Эта невнимательность стоила мне воздуха. Локтём мужчина поймал меня в ловушку. Зажал, сдавил горло.

Я билась, хрипела, вонзала ногти в его кожу. Без толку.

«Ну же, золотая девочка Бастиона»

С каждой секундой сопротивление угасало. Сознание ускользало. И мне чудился голос сестры. Тихий-тихий. А я ведь всегда думала, что это бред — вспоминать всё самое лучшее перед смертью.

«БОРИСЬ, ДУРА!»

Мои глаза резко распахнулись.

Я подалась назад, пиная державшего меня по голени. От неожиданности он немного ослабил хватку. Игнорируя агонию в лёгких, я развернулась и всадила осколок ему в бок.

Передышки не случилось. Как котёнка меня швырнули на соседнюю парту. Я не успела отклониться. Удар обжёг правую скулу. Перед глазами взорвался фейерверк из белых искр. Он снова меня швырнул и повалил, усевшись сверху. Я же инстинктивно вжалась в пол, прикрывая голову руками, чтобы хоть как-то смягчить град новых ударов.

— Жалкая грешница! Покайся и прими свою кару, — проревел он.

Я обвила его торс ногами, скрестила щиколотки, обхватив крепче. Не уверена, что помогало мне — упрямство или отголоски голоса сестры, — но я сумела перевернуться и утащить его за собой. Теперь мы лежали на боку.

Продолжая держать его, я отчаянно шарила по полу, пытаюсь нащупать посох. Пальцы безрезультатно скользили по дереву.

— Есть! — с ликующим торжеством я вцепилась в рукоять. Замахнулась

Тишина, наступившая следом, была сродни тому самому подарку на день рождения, который ждёшь больше всего. Почти апатично я скользнула взглядом по погрому, что мы устроили в комнате: раскиданные вещи, битое стекло, тёмные брызги на стенах.

Внутри не было ни сожалений, ни триумфа. Эти мужчины на полу, синяки на моей коже, разбитая ваза — всё это следы жестокости с размытыми границами. Таким стал новый мир, где многие обращались к Богу, хотя лучше бы зывали к собственной человечности.

В кармане бездыханного лидера нашлась связка ключей. Все они отличались формой и размером, какие-то заряжали, другие выглядели относительно новыми. Я без труда представила, с каким тщеславием он таскал эту увесистую связку. На его лице и при жизни было написано, что он упивался властью, а эти ключи лишь подтверждали: все двери в этом сумасшедшем доме принадлежали ему.

Я потратила несколько драгоценных минут, подыскивая нужный ключ, чтобы запереть кабинет снаружи. Замок щёлкнул, а я плохо представляла, куда идти дальше. По смутным воспоминаниям пыталась выйти к тому самому коридору с рисунками, где в последний раз видела ребят.

Из-за эха всё время казалось, что позади кто-то есть. Стены повторяли друг друга, очертания дверей размывались.

Челюсть жутко ныла и уже начала распухать. Повезло, что тот удар не сломал кость.

Впереди, за поворотом, слышались мужские голоса. Я шмыгнула в первый попавшийся тупиковый закуток и замерла. По звукам шагов и обрывкам разговора поняла: они зашли в помещение рядом с тем, где я притаилась.

Я начала счёт. Несколько раз сбивалась, путалась, но в итоге дошла до четырёхсот. Мужчины пробыли там около семи минут.

— Бесит, что приходится тратить продукты, — ворчливо произнёс один из них, пока второй возился с дверью. — В этот раз игры затянулись.

В ответ ему лишь хмыкнули.

— Знаешь же, что ловить их стало труднее. Поэтому отец Вадим и даёт им больше времени побарахтаться.

— Ну, за этими хоть интересно наблюдать, — в голосе первого слышалось нечто, похожее на одобрение. — Предыдущие сдались слишком быстро. Скучно.

Едва ли я могла собрать в единую картину обрывки их беседы. Но даже сквозь непонимание ощущалось, насколько неприятной была суть «игр».

Удостоверившись, что мужчины скрылись в конце коридора, я замерла напротив двери, из которой они вышли.

Может, здесь держат Дениса с Глебом?

С десятой попытки замочная скважина поддалась. В коридоре стояла гробовая тишина, а изнутри тянуло гнилью и

отходами. Отвратительное сочетание. Меня обдало холодом. По ощущениям, тёмная комната была просторной, и, кажется, я находилась в ней не одна. У дальней стены кто-то зашевелился.

— Тихо, — чья-то ледяная ладонь резко накрыла мой рот, а другая рука обхватила талию, с нелепой мягкостью прижимая к себе. — Не кричи, и всё обойдётся. Просто отдай ключи.

Тело обмякло. Я узнала обладателя голоса, который должен был быть за сотни километров отсюда.

Он не ослабил хватки, но позволил мне говорить.

— Надо было сразу вывести меня из строя, — отчитала я его.

Пальцы Марка впились в мой бок.

— Волчица? Какого дьявола ты здесь?

— Миссия, — выдохнула я. — Найти твою команду и в случае чего — выручить. Как видишь, мы в процессе.

Наш спор прервал стон, наполненный страданиями.

— Марк, — кто-то из его отряда прохрипел из темноты.

Воздух всколыхнулся, когда Марк стремительно отпустил меня.

— Всё хорошо. — Послышался шелест ткани и сбивчивое дыхание. — Держись, Лёха.

Я подошла ближе.

— Что с ним?

— Укусили.

Неуязвимые. Тот, кто придумал это слово, должно быть, воображал, что от нас отскакивают стрелы, а о нашу кожу крошатся зубы зомби. Здорово, если бы так и было. Мы не превращались в монстров, но всё же заражались. Температура подскакивала, тело ломило, голова раскалывалась. Обычный грипп без лечения мог убить любого. Так же и с Царь-вирусом. В Бастионе на такой случай у нас были лекарства. Немного, но всё же.

— Сколько прошло с укуса?

— Сутки.

Время ещё было.

— Надо скорее искать Кострова с остальными и выбирать-ся.

Рука Марка нашла моё запястье и сжала.

— Денис тоже с тобой? Где он?

— Не уверена. Но их лидер что-то говорил про лабиринт.

— Хорошо.

— Здесь есть места похуже, да? — спросила я, уже и догадываясь об ответе.

Он помедлил, прежде чем сдавленно произнёс:

— Да. Арена.

Глава 13. Любитель книг

Анжелика

Кровь прилила к лицу. Я висела вниз головой на турнике уже добрых пару минут. В общей сложности на площадке провела полчаса, а он за это время ни разу не оторвался от книги. Непрерывное шуршание страниц действовало мне на нервы.

— Не надоело читать свои книжки? — сорвалось у меня, едва я перевела дух.

Обычно Костя в ответ лишь кивал, когда я здоровалась, или мычал что-то невнятное, стоило завести разговор. Но сегодня удостоил меня целым предложением.

— Если я до сих пор это делаю, надо полагать, ответ очевиден.

Он ни на секунду не оторвался от букв.

— Высокомерный засранец, — пробормотала я.

— Тебя слышно, — без капли заинтересованности в нашем разговоре, он вновь перелистнул страницу.

Я фыркнула.

Высокомерный засранец с отличным слухом.

Внутри неожиданно, с иррациональной силой, закипело раздражение. Он не сделал мне ничего плохого. Более того, он меня почти всегда игнорировал. Но я не могла остановиться. А я ведь душка! У меня всегда получалось найти

подход ко всем. Кроме Киры.

Ковырять его за любовь к книжкам было низко и глупо. Но при виде этого ботаника, такого важного и увлеченного, слова начинали прыгать у меня во рту, словно те самые шишучки, которые я так обожала в детстве.

На самом деле причины мне были ясны. Глядя на Киру, Кострова или любого в Бастионе, занятого делом, я чувствовала себя потерянной. Подростком, которому надо выбрать, куда поступить, но который ещё не определился даже с тем, кто ему больше нравится, Сэм или Дин Винчестеры. От этого ощущение собственной никчемности раздувалось до громадных размеров. Ведь в эпоху разрухи совсем не время и не место для подобных детских переживаний.

Всю ночь я варилась в вине. Совесть стала сморщенной, как кожа после долгой ванны. В детстве я лежала в кипятке именно до такого состояния. Принять горячую ванну сейчас – что-то из разряда утопии.

Единственным выходом, чтобы избавиться от этого дрянного чувства, было извиниться. Сегодня у нас по расписанию стояли спарринги. И Костя тоже будет там. Его готовят к вылазкам, меня готовят, потому что так захотела сестра. Но это, пожалуй, тот самый вопрос, по которому у нас не возникало спора.

Всегда хотелось быть сильной, но иногда эти тренировки напоминали комплекс из пыток, подготовленный специаль-

но для меня.

Я промокла насквозь. Короткие пряди лезли в глаза, будь они неладны. Мышцы горели, сердце выскакивало из груди. Но упрямство и гордость брали верх. Оттолкнувшись от липкого мата, я вновь бросилась на Толика. Все мои удары он парировал с бесячей ленивой лёгкостью.

Справа, сквозь общий гул зала, прорвался голос Саши:

— Голова тебе для чего?

— У нас тут и не викторина «Что? Где? Когда?»! — рявкнула я в ответ, едва успев поймать руку и поставить корявый блок. Толик никогда не делал поблажек только потому, что я девчонка, и я была ему за это благодарна. По-своему.

— Болтать ещё успеваешь? — ехидно бросил он, начиная обходить меня. — Похоже, сестрёнка плохо тебя учила.

Мои зубы стукнулись друг о друга.

Ну вот, началось.

Что бы я ни делала, её тень всегда маячила рядом. «А Кира бы так не сделала», «Твоя сестра точно бы использовала другой трюк», бла-бла-бла.

Мне прекрасно известно, что Кира поступила бы иначе. Умнее, быстрее, безжалостнее. К худу или к добру, я никогда и не собиралась быть её копией.

Ладно. Похоже, что к худу. Толик поставил мне подножку, пока я витала в облаках. Мат смягчил удар, но не избавил от стыда. Опозорилась. Чудно.

Толик снисходительно похлопал меня по плечу, помогая

подняться.

— На пять секунд дольше, чем в прошлый раз.

— Фраза, которую часто слышишь, да?

Соперник посмеялся. Мою язвительность после поражения он уплетал, как сладкий топпинг.

Спускаясь с импровизированной арены, я встретила глазами с наставником. Саша смотрел на меня с жалостливым пониманием, от которого становилось тошно. Потому что он не понимал по-настоящему. Его ни с кем не сравнивали. Родители, родственники, учителя — никто не ставил ему в пример старшую сестру. И хотя он твердил, что мне нужна своя тактика, свои приемы, сам же постоянно проводил параллели с Кирой.

Саша протянул фляжку с водой. Я взяла её и покачала головой, предвосхищая очередную подбадривающую белиберду. Потом. Сейчас это было последним, чего мне хотелось.

В нерешительности — уйти или остаться — я заметила Костю. Он сидел на скамейке и, что было удивительно, без очередной книжки. Его взгляд был прикован ко мне, и я посчитала это знаком. Пробравшись через зрителей, я опустилась рядом.

Какое-то время мы просто сидели, наблюдая, как дрались крепкие ребята из отряда спасателей. Первым заговорил Костя:

— Я слышал, что недостаточно хорош и совсем не похож на отца, с тех пор как стал понимать речь. Лет с четырёх,

наверное.

Я с недоверием покосилась на его профиль: это была попытка подмазаться или он и вправду говорил искренне?

— Серьёзно? А кто твой...?

— Он военный. Генерал-лейтенант.

Вау. Печальное совпадение между нами.

— Я и читать-то начал только потому, что отец это терпеть не мог. Потом втянулся. И до сих пор нравится.

— Прости, что вела себя как последняя... — Я запнулась, подбирая слово. — Книги — это круто. А я просто позавидовала.

— Позавидовала? — он поправил съехавшие очки.

— У тебя есть что-то, чем тебе нравится заниматься. А у меня ни хобби, ни интересов. Ни малейшего понятия, как сделать жизнь чем-то большим, чем простое коротание дней в попытках не помереть.

Костя кивнул. Он не старался меня жалеть, не говорил, что разделяет мои чувства. Но впервые за долгое время я почувствовала, что это правда. Что этот тихий парень с книгой на самом деле знает, что творится у меня в душе. Потому что в его собственной — живет нечто похожее.

До конца спаррингов мы находились рядом, не проронив ни слова. А когда всё закончилось, Костя неожиданно полез в рюкзак и достал книгу в потрёпанной обложке.

— «Путешествие к центру земли», — прочитала я и удивлённо посмотрела на него.

— Возьми. Я её перечитывал раз пять. Думаю, тебе понравится.

— Почему это?

— Не знаю. Просто кажется, что ты бы отлично вписалась в такую экспедицию.

По лицу расплзлась улыбка, которая не была ни саркастичной, ни горькой. Почти с трепетом я прижала книгу к груди.

— К центру земли я ещё точно не спускалась. Спасибо.

Кира наверняка решила бы, что я заболела. Иначе как объяснить, что до отбоя оставалось ещё двадцать минут, а я уже сидела в своей комнате, как примерная девочка. Мало того — читала.

Костя оказался прав: то, о чём писал Жюль Верн, захватило меня с первых строк. Сама не заметив как, я проглотила добрую половину книги.

Я перелистнула страницу, и из книги что-то выпало. Небольшой листок, аккуратно сложенный вчетверо.

Он оставил мне тайную записку?

От этой мысли я глупо хихикнула в тишине. Этого не могло быть. Наверное, просто забыл или использовал в качестве закладки.

Одолеваемая любопытством, я развернула бумажку. Это была листовка, нарисованная от руки. В центре красовались аккуратные домики, а по бокам были выведены лозунги:

«Мы выжили. Настало время жить».

«Война с монстрами окончена».

«У нас никто не голодает. У нас безопасно».

Внизу мелким, но красивым почерком были указаны радиочастота и примерные координаты местонахождения поселения «Рассвет». Я никогда о таком не слышала.

Глава 14. Всё только начинается

— Все мы знаем, что происходит на таких мероприятиях. Какой пример ты подашь сестре, Кира? — тон мамы не оставлял места возражениям.

Меня пригласили на день рождения. И, как любому нормальному подростку, мне хотелось общаться со сверстниками, хихикать, вписывать имя любимого актёра в глупые анкеты или даже страдать от первой неразделённой любви.

Но мне было это недоступно. Я ведь старшая сестра.

Я должна забирать Лику из садика, должна пропускать уроки и сидеть с ней, потому что родители работают, а присмотреть за ней некому. Вдобавок ко всему я непременно должна быть лучшей — в соревнованиях, в учёбе, во всём.

На прошлой неделе у нас был тренировочный спринт. Три круга, два выстрела. Я чувствовала себя отвратительно с самого утра: всё тело ломило, а перед глазами застыла сплошная пелена. На втором выстреле рука дрогнула. Пришлось бежать штрафной круг.

Естественно, ждать от меня блестящего результата не стоило. Но даже для простой тренировки моё поражение оказалось неприемлемым.

Разочарованию родителей не было предела.

— Это очень плохо, — без какого-либо участия произнёс тогда отец. — Волковы не проигрывают.

Ни единого вопроса. Ни «как ты себя чувствуешь?», ни «приняла ли ты лекарство?». Только ледяной взгляд и приговор. А потом, как ни в чём не бывало, привычный приказ:

— А теперь иди делай домашнюю работу с сестрой. И чтобы без ошибок.

Неясное, отрывистое бормотание прогнало неприятный сон-воспоминание. Потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить: я в старой школе, которую фанатичные антилюбители всех «неуязвимых» перестроили под себя.

В голове нещадно гудело. Потеря крови и отсутствие еды медленно, но верно делали своё дело. Сквозь глухой фон постепенно проступали чьи-то слова.

— Только не иглы, не надо иглы...

Я прищурилась, но в темноте так и не смогла разглядеть Марка. Похоже, он бредил. И его сон явно неприятнее моего.

Поднявшись, я, покачиваясь, добралась до него и опустилась на корточки. Мои пальцы коснулись его плеча, чтобы разбудить, как Марк вздрогнул. В следующее мгновение я уже была прижата к холодному полу, а его ладонь сдавила мне горло.

— М-марк! — мой хрип был едва слышен. Я замолотила кулаками по его рукам, но он по-прежнему не просыпался.

Напрягшись, я постаралась сбросить его.

— Боже, Кира, прости. — Он отпрыгнул от меня, как от огня. — Я не хотел.

Эта слепая ярость обычно спокойного Марка насторажи-

вала. Но вряд ли он стал бы изливать душу сейчас. Особенно мне.

— Проехали, — выдавила я, растирая онемевшее горло.

Обнаружив его в этой каморке, первым порывом было немедленно выдвигаться на выручку остальным. Вот только его напарник укушен, я сама была на грани, да и никто из нас здесь не ориентировался. Парни не знали точного расположения ни лабиринта, ни арены. Им завязывали глаза и водили кругами, прежде чем закинуть в клетку. Да и в каком именно из бесчисленных кабинетов могли держать Олю, тоже неясно.

Решили ждать, пока тюремщики принесут еду, и выбить информацию из них. Я ранила их предводителя, и меня, скорее всего, уже искали. Правда, не так активно, как ожидалось. До сих пор за дверью не было никакого шума.

Марк не проронил ни звука, стоило только догадываться, какие мысли копошились у него под черепушкой. Я же время от времени встряхивала головой, чтобы прогнать накатывающую тяжесть. То выпрямляла, то сгибала ноги — любые движения, лишь бы не провалиться обратно в дремоту.

Я ту же затянула импровизированную повязку из лоскута футболки на руке. Снаружи слышались шаги. Коротко шепнув Марку о готовности, я по памяти добралась до угла и затаилась.

— Братан, спасай, — заныл один из фанатиков. — Живот скрутило, не дотерплю. Давай сегодня сам, а с меня причи-

тается.

Его напарник усмехнулся.

— Ладно-ладно, а то ещё весь коридор за тобой убирать заставят. — Ключ звякнул, повернулся в замке. — Увидимся на арене.

Каморку заполнил слепящий луч фонаря.

— Что, не подошли ещё? — с фальшивым сочувствием поинтересовался вошедший.

На подносе с противным лязгом гремели жестяные чашки. Он швырнул его на пол и носком ботинка пнул в сторону пленников.

Как и договаривались, Марк лежал без движения. Его напарнику даже не нужно было играть бессознательного. Он и правда был на грани.

Перевязанной рукой я поудобнее перехватила припасённый осколок. Несколько бесшумных движений, и в позиции беззащитных уже не парочка измотанных парней, а он сам.

— Если не хочешь сдохнуть, отвечай, — прошипела я ему на ухо. Для убедительности вдавила стекло в кожу посильнее. — Быстро и чётко. Понял?

— П-понял — пролепетал он, замерев. Я ощутила, как под рукой задрожала его шея.

— Где мои люди?

— Не знаю.

Пришлось пустить ему кровь для сговорчивости.

— Двое скоро отправятся на арену. А девка — я пнула

его по ноге, вырвав из глотки жалкое кряхтение. — Она в медкабинете. Отец Вадим держит там всех, кто разбирается в таблетках!

Марк подхватил с пола фонарь и направил свет на него: — Как добраться до кабинета? Его охраняют?

Фанатик вновь решил проявить упрямство.

— Я не могу

— Давай, — кивнула я, и Марк нанёс удар в солнечное сплетение. Тот начал оседать, но мои руки крепко держали его.

— На втором этаже. Кабинет 204, — он выпалил это скороговоркой после второго удара. — Дверь заперта. Охраны нет. Но этаж проверяют каждые полчаса.

План в голове созрел почти мгновенно. Оля единственная, кто сможет оказать Лёше первую помощь. А уж потом, будем думать, как выволять ребят с арены. Костров ведь из тех, кто выйдет сухим из воды, даже если начнётся всемирный потоп. А рядом с ним сила Глеба. Они точно должны продержаться. Они просто обязаны.

В нескольких метрах от нас проходил часовой. Я изо всех сил зажимала рот Лёше, который стонал на спине у Марка. За окном лил дождь, и было темно. И всё же даже такого скудного освещения было достаточно, чтобы оценить, в каком состоянии находились мои напарники.

Укус на плече Лёхи превратился в гнойный, пульсирую-

щий нарыв, от которого разносился кислый запах. Если так пойдёт дальше, можно не успеть спасти руку.

Светлые волосы Марка потемнели, слипшись от грязи, пота и запёкшейся крови. Его лицо сплошь и рядом покрывали ссадины и синяки, а когда он что-то шептал, в нижнем ряду показывались два сколотых зуба. Но, должно быть, и я выглядела не лучше. Всякий раз, когда наши взгляды пересекались, я ловила в его глазах ту самую жалость, которую так ненавидела.

— Ждите сигнала.

Изучив замочную скважину, я отыскала подходящий ключ в связке и толкнула дверь.

На меня бросились со свирепым рёвом. Инстинкт сработал быстрее мысли, и я успела отбить руку, в которой блеснул металл шприца.

С шипением Оля отпрянула, обхватив повреждённую руку. Её глаза расширились от неверия, а потом мгновенно наполнились слезами.

— Кира

Она всхлипнула и в тот же миг, словно кто-то перерезал нити, которые держали её на ногах. Она оказалась на полу и забилась в рыданиях.

Оля вечно пряталась за бронёй из цинизма и едких шуток, оставаясь ранимой внутри. Но мы в Бастионе знали правду: как близко к сердцу она принимала чужую боль и как чувства сжигали изнутри, когда ей не удавалось спасти человека.

И всё же её яростная, отчаянная атака лишней раз напомнила мне: помимо глупых сердечных порывов в ней жила стальная воля. Та самая способность бороться, которая позволила ей выжить и заработать эти шрамы.

— Ты молодец, — не без гордости похвалила я. — Но соберись. Ещё ничего не кончено.

Пока она вытирала слёзы, я подала знак Марку. В проёме показались их силуэты, и вот Оля уже не плачущая девушка, а сосредоточенный медик.

— Повезло, у них тут всего навалом. И обезбол есть, даже антибиотики, — приговаривала она, нащупывая вздувшуюся вену на руке Лёши.

Мы с Марком тем временем пытались обработать раны друг у друга. Я поморщилась, проглотив горькую пилюлю, и протянула ему вторую. Он почему-то медлил. Его тело наверняка ныло и ломило, но он смотрел на голубую таблетку, будто на яд. Пришлось ткнуть его локтем.

— Пей, — буркнула я, подбородком указав на его ладонь.

Я отвела взгляд, только услышав звук глотка. Он странно себя вёл. Плен — серьёзная психологическая атака, да. Но было в этом что-то другое. Его реакция слишком уж напоминала ту, что была у Дениса при виде знака солнца.

Лёша затих, и на его лице наконец проступило облегчение. Мы уже начали негромко обсуждать следующий шаг, когда Оля не выдержала.

— Я должна вам кое-что сказать. — Она не поднимала

глаз, продолжая перекладывать пузырьки с таблетками, будто их порядок был теперь самым насущным делом. — Их главный... Кажется, он окончательно спятил.

В груди похолодело. Значит, он всё же выжил.

— Он приказал сделать переливание. Вот только кровь была заражённая. Я отказывалась. Кричала, что это безумие. А они всё равно приволокли одного из зомби и заставили меня.

В медпункте повисла тяжёлая тишина. Марк первым решился задать вопрос вслух.

— И что было дальше?

— Он не обратился. По крайней мере, не сразу. Но изменения начались. Температура, лихорадка, судороги, — она сглотнула, прежде чем продолжить. — Когда он пришёл в себя, то дал мне пробирку. Велел вколоть ему. Я не знаю, что в ней, но предчувствие у меня хреновое. Очень.

Надо. Скорее. Выбираться.

Глава 15. Арена

— Нашёл! — я вылез из-под стола, отряхивая пыль с рук, и послал Глебу самодовольную ухмылку.

Здоровяк лишь скупно кивнул. С тех пор как мы угодили в этот проклятый зомби-класс, он словно впал в спячку. Ладно, злобные твари за дверью и эти амёбы за партами — не самый подходящий повод для радости. Но, чёрт возьми, немного надежды ещё никому не вредило! Взять меня, к примеру. Моя призма позитива пусть и собрана из чёрного, саркастичного стекла, но в ней точно есть радужные вкрапления. Иначе бы я уже давно сошёл с ума.

Я подбросил пластиковую ручку и ловко поймал её в воздухе. Эта малышка должна была стать ключом к свободе, вернее, к тому узкому пластиковому окну, что мы откопали под грудой учебников в учительской коморке. Ловушка или наша новая «администрация» допустила оплошность? Было бы славно, окажись второе. Другого выхода из класса, кроме этого окна, не было. Если не считать дороги в лабиринт, где нас поджидают с распростёртыми объятиями.

Глеб поморщился, протискиваясь между партами, за которыми сидели «ученики». Любопытно, что с ними сделали. Чем-то накачали? Я никогда не видел настолько апатичных зомби. Когда Глеб случайно задел бедром одного из них, тот даже не дрогнул.

В тесной коморке мы едва помещались вдвоём. Отшвырнув хлам в сторону, я вскарабкался на подоконник.

— Сезам, откройся, — пробормотал я, и окно нехотя поддалось. Нас тут же обдало порывом влажного воздуха. Несколько тяжёлых капель хлестнулись по стеклу и долетели до моего лица. Я высунулся наружу с головой, подставляясь под прохладные струи. Это здорово прочищало мозги, смывая тухлый запах и остатки адреналиновой дрожи.

Вдохнув полной грудью, я мягко приземлился в лужу и тут же пригнулся. По ту сторону окна оказалась площадка-коробка. Первоклашки наверняка проводили здесь кучу времени в прошлом. Внутри квадрата красовались ржавый турник в виде полусолнца, шины, по которым можно было перепрыгивать, и одинокая карусель. По периметру никого. Похоже, в такой дождь мало кому хотелось мочить штанишки. Идеально.

Я махнул Глебу. Хлипкий пластиковый подоконник прогнулся под его весом, но в конце концов мой напарник тоже вывалился наружу.

— И что дальше? Будем выбираться без остальных? — здоровяк скривился. Он был из тех, кто считал отход без боя — трусостью, а спасение только себя — предательством.

Если я хоть сколько-нибудь смог понять Волчицу, то, скорее всего, она уже тоже была на пути к дверям выхода. Только она-то думала, что мы в ловушке, и, вероятно, планировала дерзкий план, как нас выручить.

— Мы никуда не уходим, — твёрдо заявил я, смахивая со лба дождь. — Мы их найдём. И для этого надо всего лишь оказаться в нужном месте в нужный час.

Я окинул взглядом площадку, угрюмые стены школы, чёрные окна. Вопрос был в точке встречи. Какое место притянет Киру, если она выбралась? Или куда её точно приведут, если нет?

Мы двигались гуськом. Иногда поднимались, чтобы оценить обстановку. Дождь к тому времени стих. И чем ближе мы подбирались к центральному входу, тем оживлённее становилось вокруг. Вдалеке послышался собачий лай. Вот только этого нам и не хватало. К счастью, овчарка сидела на цепи у ворот.

Прямо перед парадными ступеньками, выстроившись в ряд, стоял нехитрый автопарк: пара «уазиков», несколько потрепанных легковушек и грузовик. Мы замерли в укрытии за одним из них. Слева от школьного здания виднелось другое одноэтажное строение. Возможно, склад. В моей школе в таких обычно хранили лыжи и спортивный инвентарь.

Именно оттуда вышли трое. Они были закутаны в тёмные накидки с вышитым знаком искажённого солнца. Переговариваясь между собой, они пару раз упомянули «арену». По обрывкам фраз стало ясно: это место, где все мы, пленники, рано или поздно должны были оказаться. Похоже, это было именно то, что мы искали.

— Идите, — бросил тот, что был повыше. — Мне надо

отлить.

Посмеиваясь, двое направились к школе. Последний по-дошёл к машине, стоявшей параллельно нашей, в паре метров. Расстегнув ширинку и насвистывая, он принялся справ-лять нужду.

Глеб мрачно покачал головой, предостерегающе глядя на меня. Но, боюсь, это был самый лучший из имеющихся пла-нов. Пусть и рискованный.

Я рванул вперёд.

Собака залилась лаем.

— Что такое, Шарик? — лениво, не прерывая процесса, поинтересовался фанатик.

Моё внезапное появление из-за машины его обескуражи-ло. Он всполошился, и брызги попали мне на голенище. От-личное начало для драки.

— Эй, приятель, тебе явно стоит научиться управлять своим шлангом, — прошипел я, и в тот же миг мой кулак со всего размаху врезался ему в переносицу.

Он ахнул, захлебнувшись собственным дыханием, и отле-тел к капоту машины. Я не дал ему опомниться — вцепил-ся в мокрую накидку, рванул на себя и, воспользовавшись моментом, всадил ещё один удар, на этот раз в челюсть. Его голова дёрнулась назад, ударившись о металл.

Подхватив его, я поволок бесчувственное тело к грузови-ку, где ждал Глеб. Уже там стянул плащ.

— Надо бы его пристроить куда подальше, — протянул я,

накидывая на себя чужую вещичку.

Глеб лишь хмыкнул, оценивая маскарад. Стараясь не производить лишнего шума, он потянул за ручку и распахнул ржавые двери кузова.

— И в чём конкретно заключается твой план?

Не церемонясь, он вскинул фанатика на плечо, а затем швырнул внутрь. Металл глухо прогрохотал. Я лишь ухмыльнулся, поправляя капюшон на голове.

— Ты мой пленник. И я отведу тебя на арену.

Кира наверняка назвала бы это верхом идиотизма. Слишком шатко, слишком много «если». Они ведь могли всех знать в лицо. Конечно, могли. Но, судя по масштабам этой «общины», шанс, что мы проскочим, был. Один из ста, но был. К тому же на дне кармана обнаружилась небольшая баночка с густой тёмной грязью. Этим они мазали лица, когда поймали нас. Перемажусь и сразу же стану образцовым фанатиком. В моём идеальном сценарии всё сработало бы именно так.

Реальность, однако, дама строптивая и непредсказуемая. Но я обожаю вредин. Одну такую уж точно...

— Не нравится мне эта затея, — буркнул Глеб, хотя мы уже миновали главный коридор и остановились у гардероба, просторного, пахнущего пылью и сыростью.

Я хмыкнул, притворно грубее дёрнув его руки, скрученные за спиной.

— Нравится, не нравится, а играть в смирного мальчика придётся. Так что, будь добр, помолчи. Дело-то почти выгорело.

С лестницы, со второго этажа, донеслись голоса. Нас заметили. Темноволосый парень с автоматом наперевес поспешил к нам уверенным шагом.

— Что такое? — он коротко ткнул стволом в Глеба.

— Веду его на арену, — буркнул я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Его брови поползли вверх.

— Отец Вадим сказал, что игр какое-то время не будет.

Я лишь пожал плечами, изображая солдатскую покорность.

— Мне сказали, я выполняю.

— Кто сказал? — в его голосе прозвучало недоверие, но и любопытство. — Сам отец Вадим?

Я просто кивнул, будто это настолько очевидно, что даже не требует слов. Этого хватило: он медленно опустил автомат и показал следовать за собой.

— Как он? — тихо, заговорщицки спросил наш новый «проводник», когда мы двинулись по коридору.

В этой части школы, видимо, работал генератор — под потолком тускло горели лампочки, над одной из дверей висел громкоговоритель для оповещения.

— Неплохо, — выдавил я самый безопасный на мой взгляд ответ.

— Та дрянь убила наших, и он был сам не свой, — парень покачал головой. — Но раз игры не прекращаются, значит, дух его не сломлен. Божья воля с нами.

— И что с ней стало?

— С кем? — не сразу понял он. — А, с девкой. Проворная сучка. Но мы её найдём. После того, как она посмела тронуть отца Вадима, ей не жить. Никакого прощения.

Уже успела навести шумихи, Волчица?

Я едва не выдал себя улыбкой. Моя девочка.

Охранник провёл нас через узкий проход к зрительским трибунам. По центру огромного спортзала под жёлтым светом блестела клетка. Она была сварена из железных прутьев. Внутри, у деревянного креста, был прикован человек. Его руки закрепили над головой так, что тело обвисло, а подбородок бессильно упал на грудь.

Вокруг, в прыгающих лучах прожекторов, копошились твари. Одна, сгорбившись, грызла ему пятки. Вторая, с длинными пальцами, рылась в кровавой дыре на его животе. Влажный, чавкающий звук долетал даже сюда, смешиваясь с гулом в моих ушах.

Глеб резко склонился в сторону, и его вырвало. Мои же глаза сузились. Я узнал остатки униформы на том человеке в клетке. Отряд «Сокола».

Какого дьявола наш человек делает в этом аду?

Фанатик обратил глаза на нас. Он скользнул взглядом по согнувшемуся в конвульсиях Глебу, задержался на моей по-

зе. Что ж, на его лице не было тени подозрения. Там расцвела полная уверенность.

— Вы... — Его рука потянулась к автомату на груди.

Ярость и шок заставили Глеба действовать. Он рванул вперёд. Мощным толчком отправил фанатика на пол. Прежде чем сознание покинуло его, тот сумел прохрипеть в рацию, валяющуюся рядом: «*Тревога!*»

И тогда пространство разразилось пронзительным сигналом. Где-то внизу, за пределами арены, слышались крики и беготня.